РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 9/83

Сентябрь

Этот снимок вьетнамской девушки, обучающейся в ГДР, символичен. А символизирует он одну из граней сотрудничества братских народов социалистических стран: в сфере духовной жизни, расширения обмена ценностями культуры.

В НОМЕРЕ:

ISSN 0131 — 5994

Надо шире изучать все лучшее в опыте братских стран социализма.

Из Постановления Пленума ЦК КПСС (июнь 1983 года)

Фирма по спасению добра

Сергей ДАРДЫКИН, соб. корр. «Известий» — для «Ровесника»

«Эзер» по-венгерски тысяча, «мештер» — мастер, «эзермештер» — мастер тысячи дел, словом, мастер на все руки.

Что же такое «Эзермештер», помимо высшей похвалы за умение, смекалку и сноровку? Это большая торговая фирма с обширной сетью магазинов и мастерских по всей стране.

...Пахнет стружкой и клеем. Выстроились рядами надраенные до блеска станки. Днем здесь тихо, никого нет, но к вечеру, к концу рабочего дня, как и предупреждал меня, назначая встречу, заведующий отделением «Эзермештера» Эмил Зарда, в мастерскую не пробиться. Права столичная реклама: из любой точки города до торгового центра «Шугар», выросшего на пересечении основных транспортных магистралей Будапешта, действительно рукой подать. Об этом можно судить по притоку посетителей. Да и рядом огромные жилые массивы, много новоселов, на которых тоже рассчитывали, выбирая место для центра.

Вначале большинство посетителей, как мне объяснили, были просто зрителями. Пришел покупатель в универмаг, увидел вывеску «Мастерские», зашел взглянуть из любопытства. Потом чаще всего бывает так: человек приходит снова, уже с работой, и день ото дня увеличивается число таких умельцев.

Теперь можно уже смело сказать, что фирма «Эзермештер», несколько лет назад открывшая первую мастерскую самообслуживания, угодила многим, помогла решению проблем, выходящих за рамки сферы обслуживания. Например, полезного досуга. Сколько людей хотели бы в свободное время мастерить своими руками, только не всегда хватает навыков, не у каждого есть условия, материалы и инструменты.

— Возьмем практическую сторону дела,— говорит директор фирмы товарищ Кёнье.— Получил горожанин квартиру, взялся ее обставлять, приспосабливать под свои привычки и запросы. Основная мебель, понятно, из магазина. Но остаются карнизы, полки, вешалки, замки, зеркала, подставки для обуви, ящики для цветов... «тысяча мелочей», как мы их называем, которые и делают жилплощадь квартирой. Сфера услуг не везде поспевает и берется далеко не за все. Остаются два выхода: или переплачивать — и солидно! — умельцу-частнику за каждый гвоздь, вколоченный в стену, или взяться за молоток самому. «Эзермештер» для того и существует, чтобы максимально облегчить покупателю второй вариант, подтолкнуть нерешительных, научить неумелых, дать каждому желающему элементарные навыки, совместить для него приятное с полезным.

Таков примерно ход рассуждений директора Й. Кёнье, которые вдвойне убедительны, если добавить, что «Эзермештер» — предприятие молодежное, находится в ведении Венгерского коммунистического союза молодежи. Нет, зайти сюда может каждый независимо от возраста. Но в первую очередь учитываются запросы, возможности, неистощимый запас энергии и выдумки, ну и, конечно, скромный бюджет молодых семей.

Посмотрите, как логично все построено. Основное место на прилавках магазинов торговой фирмы занимают инструменты. Некоторые из них, например электродрель, можно взять напрокат здесь же, в «Эзермештере». Негде расположиться дома с рубанком и пилой — пожалуйте в мастерскую. Справился со сверлильным или токарным станком сам — хорошо, если нет — выручит мастер-консультант. Мастерские «Эзермештера» по соседству с магазинами фирмы появились сначала в столице, а потом во многих городах. Гордость предприятия — недавно построенный салон в Сольноке, растущем областном центре, просторный, светлый, способный обслужить всех желающих.

Возникает вопрос: а зачем торговая фирма взяла на себя такую обузу? Ведь работали совсем недавно безо всяких хлопот: торговали пионерской формой, значками, наборами для авиамоделистов... Товарооборот был, правда, небольшой, но ведь и спрос невелик при таком ассортименте. А теперь мастерские, консультации, бюро проката, в том числе и туристического инвентаря. В последнее время придумали еще одно новшество — взяли под опеку рас-

Мастерская на колесах

Томас ВАЛЬТЕР, журналист (ГДР)

По улице с плачем бежит мальчик. В руках — черепки разбитой игрушки. Он подбегает к ярко-желтому автобусу и протягивает копилку: «Дяденька, можешь склеить?» «Дяденьке», мастеру Управления жилищного хозяйства города Галле Уве Шперлингу, 22 года. В своей мастерской на колесах он выполняет самые разные работы по ремонту старых жилых домов, которых еще много в городе: чинит дверные и оконные рамы, вставляет стекла, поправляет ступеньки. Вот уже несколько лет (с 1980 года) колесит его мастерская по улицам. Поначалу она была единственной в Галле, а теперь в каждом районе города есть своя. В заказах недостатка нет.

Большинство заказов Уве выполняет прямо на месте. А к пожилым горожанам заглядывает сам — все ли в порядке?

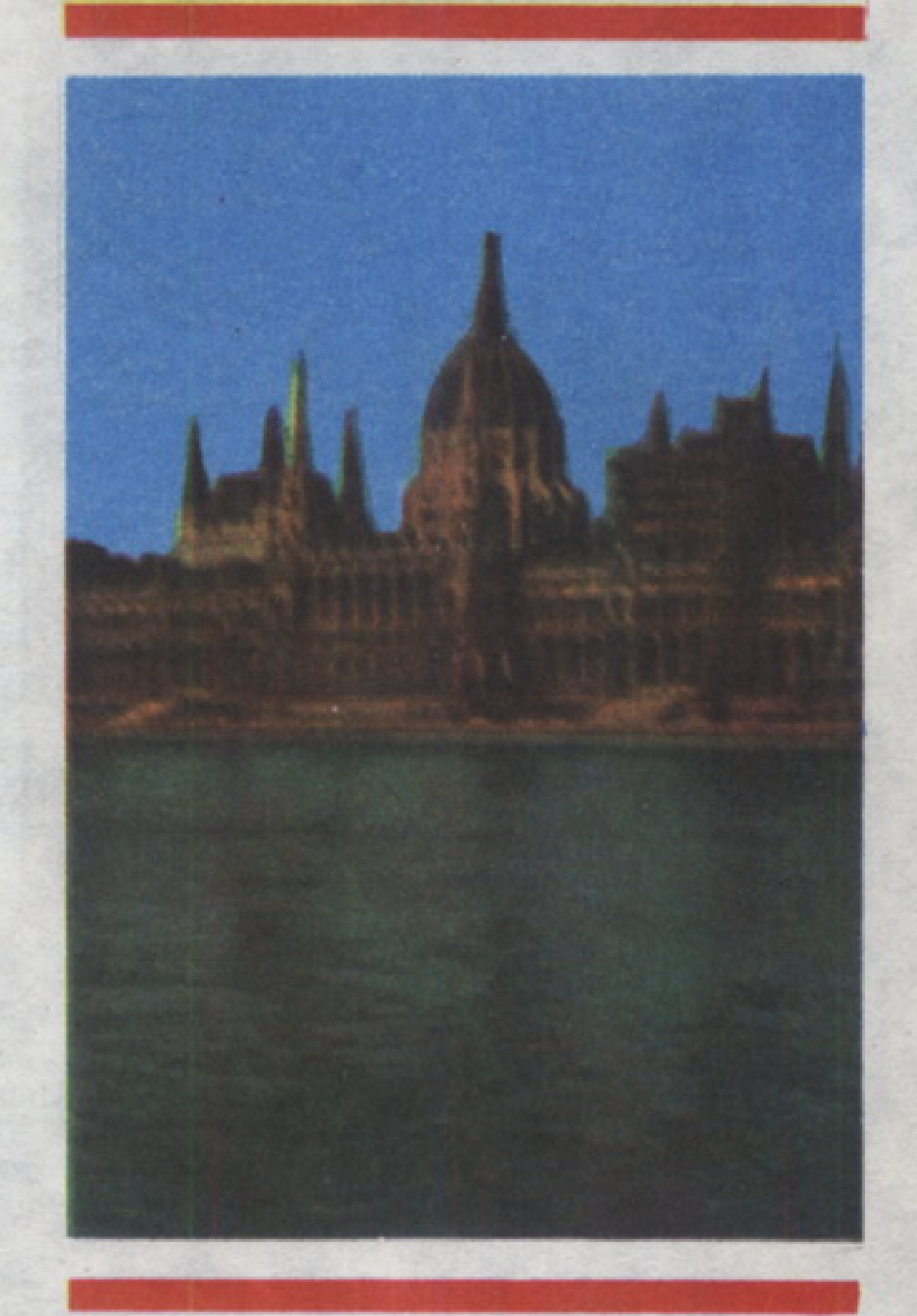
Идею передвижных мастерских жители Галле позаимствовали в Лейпциге, где под мастерские переоборудовали отслужившие свой век автобусы. Да и в Магдебурге этот опыт прижился. До 1985 года число услуг по ремонту, реконструкции и модернизации старого жилого фонда должно увеличиться вдвое по всей республике.

Уве выполняет в день по 13—15 заказов, а с тех пор как принялся за это дело, выполнил заказы 2 тысяч жителей. Когда он орудует стеклорезом, рубанком или стамеской, прохожие часто останавливаются и наблюдают за его работой. Вот кто-то принес чашечку кофе и домашнюю булочку. «Спасибо, Уве, за хорошую работу и быструю помощь!»

Опыт друзей

пространившиеся в Венгрии молодежные жилищно-строительные кооперативы.

Подведен, предположим, под крышу очередной такой дом, и «Эзермештер» въезжает в первую же готовую квартиру со своими материалами для отделочных работ, станками, инструментами, командирует на место опытного специалиста-консультанта в помощь новоселам. Ведь сама идея молодежных ЖСК в том и состоит, чтобы за счет привлечения труда будущих жильцов максимально удешевить жилплощадь, сделать цену на нее по возможности доступной для бюджета молодых семей. Конечно, подобные услуги «Эзермештер» оказывает не даром, но и прибылей особых не ищет. Торговая фирма работает в тесном контакте с местными Советами, комсомольскими организациями. В городе Веспреме «Эзермештер» взяла под свое шефство строительство жилья для молодежи.

Мастерские самообслуживания сами по себе тоже прибылей не приносят, они дают доход только в сочетании с магазином. Оснащение и содержание одной мастерской обходится фирме как минимум в два миллиона форинтов, а часовая плата за пользование станком — сорок форинтов. Совет и консультации даются вообще бесплатно. Но если за станок вместо вас встанет мастер, плата удваивается.

И вот здесь самое время сказать несколько слов об умении венгерской торговли наращивать товарооборот, выходя за рамки «чистой» торговли. Никто не обязывает, к примеру, объединение универсальных магазинов «Центрум» вот уже несколько лет подряд арендовать в предновогодние дни специальные автобусы, чтобы доставлять приезжих покупателей прямо к дверям универмага. На первый взгляд лишние расходы и хлопоты, а на деле — дополнительные покупатели, как раз в то время, когда решается судьба годового плана. Электроприборы, облюбованные в магазинах фирмы «Керавилл», теперь удобнее заказывать по телефону, покупку доставят со склада прямо на дом. А при подсчетах получается: фирма на предоставлении таких услуг не проигрывает, наоборот, экономит на перевозках со склада в магазин. А сколько драгоценного времени сберегает покупателям! Таких примеров можно привести множество. Опыт мастерских «Эзермештера» показывает: любой товар становится намного привлекательнее, если его приобретение сопровождается дополнительными удобствами для покупателя. Обои или линолеум можно, конечно, купить и в другом месте, но в «Эзермештере» вам к тому же еще и объяснят, как наклеить их самостоятельно, помогут раскроить, предложат напрокат необходимый инструмент...

Цифры говорят сами за себя. В начале семидесятых годов, когда торговля ограничивалась собственно торговлей, товарооборот предприятия составлял шестьдесят миллионов форинтов, несколько лет спустя, после расширения ассортимента товаров и услуг,— шестьсот миллионов. А сейчас — полтора миллиарда форинтов, и во многом за счет «неторговой» сферы деятельности «Эзермештера».

Проблему снабжения мастерских и магазинов материалами тоже решили: обратились на промышленные предприятия с предложением покупать отходы. То, что не годится мебельной фабрике или домостроительному комбинату, часто становится просто находкой для клиентов мастерских «Эзермештера».

Ни от одной бросовой вещи фирма не отказывается: прекратил, скажем, завод «Орион» выпуск ламповых приемников, «Эзермештер» скупил у него прямо на вес оставшиеся радиолампы и тем самым на год вперед обеспечил радиолюбителей дефицитными деталями. Поддерживают здесь обоюдовыгодные связи с МЕХ (предприятием по закупке и реализации вторичного сырья) и непосредственно со многими десятками заводов и фабрик. В общей сложности «Эзермештер» успешно реализует в своей торговой сети отходы большого производства на сумму в сто миллионов форинтов ежегодно.

...Кто-то из партнеров, довольный только что заключенной сделкой, назвал «Эзермештер» фирмой по спасению государственного добра.

Будапешт

Делай с нами

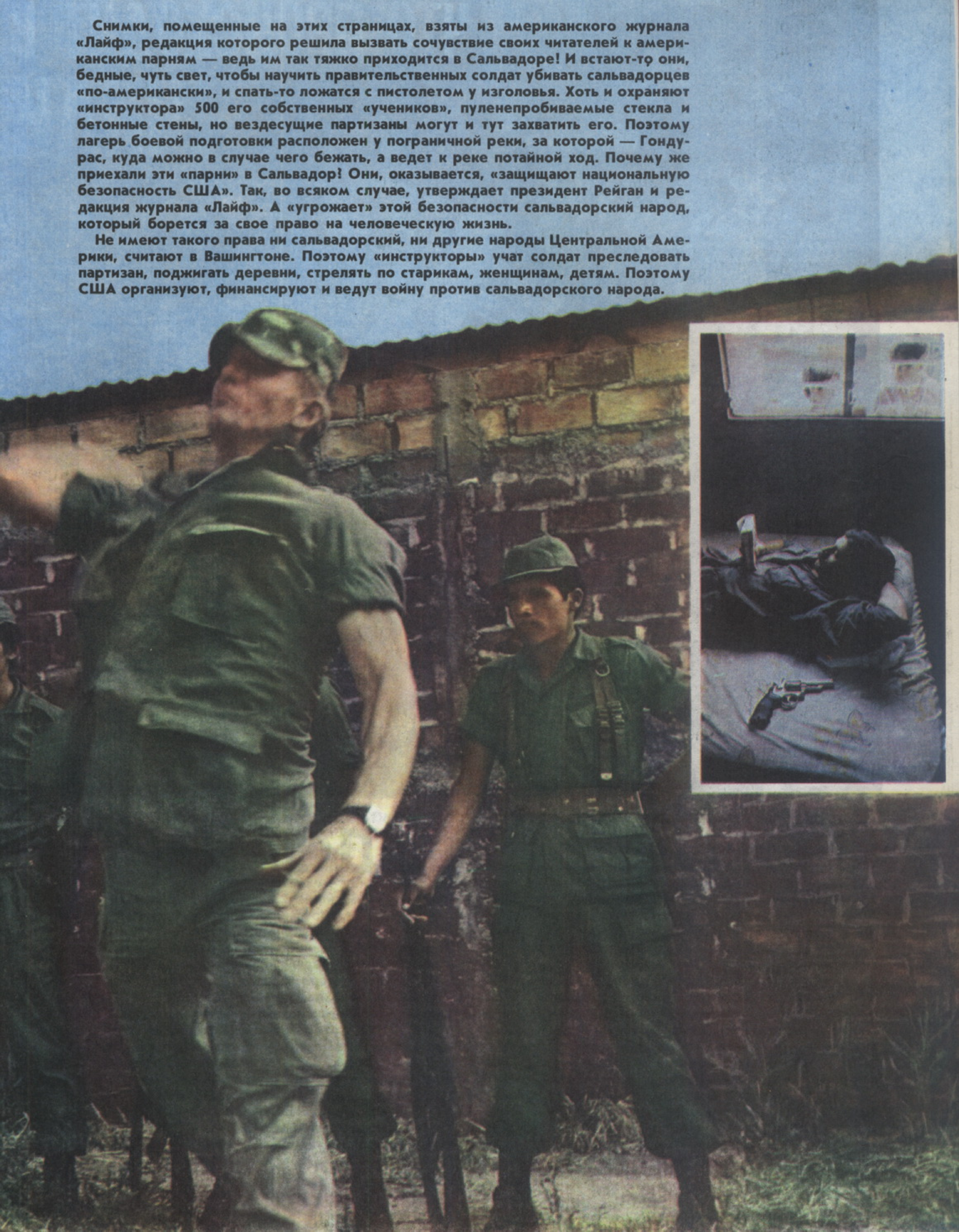
Алиса ПФИТЦНЕР, журналистка (ГДР)

Переезд в многоквартирный современный дом для многих не простая психологическая проблема. В таком доме жителей часто больше, чем в иной деревне или на старой городской улице. Но там вся деревня и вся улица была знакома, а здесь десять лет можно прожить и не знать, кто твои соседи по этажу. И если там твой дом начинался со входной двери — цветы, половички, чистота были визитной карточкой хозяйки, то здесь через подъезд за день проходит больше тысячи людей, и неопрятный подъезд — визитная карточка всех хозяек. Жильцы берлинской новостройки на Лейпцигерштрассе решили сразу обе проблемы: в коллективном подъезде можно поддерживать такую же чистоту, как и в собственном доме, решили они, а дружба между соседями крепнет в совместном труде — это пришло на практике. Под лозунгом «Делай с нами» жильцы развели сады возле домов, украсили все лестничные площадки кадушками с цветами, поддерживают идеальный порядок и чистоту. Когда приходит время, все вместе красят стены в подъезде, помогают друг другу делать ремонт в квартире. Идет соревнование за самый дружный (а значит, чистый, красивый) этаж, дом, квартал.

Когда соседи познакомились и подружились, уже не проблема помочь пожилым людям, принести лекарства заболевшим. В работе взрослых участвуют и подростки, они с детства учатся чуткости, коллективизму, умению решать житейские проблемы сообща.

смотрите:

Снимки, помещенные на этих страницах, взяты из американского журнала «Лайф», редакция которого решила вызвать сочувствие своих читателей к американским парням — ведь им так тяжко приходится в Сальвадоре! И встают-то они, бедные, чуть свет, чтобы научить правительственных солдат убивать сальвадорцев «по-американски», и спать-то ложатся с пистолетом у изголовья. Хоть и охраняют «инструктора» 500 его собственных «учеников», пуленепробиваемые стекла и бетонные стены, но вездесущие партизаны могут и тут захватить его. Поэтому лагерь боевой подготовки расположен у пограничной реки, за которой — Гондурас, куда можно в случае чего бежать, а ведет к реке потайной ход. Почему же приехали эти «парни» в Сальвадор? Они, оказывается, «защищают национальную безопасность США». Так, во всяком случае, утверждает президент Рейган и редакция журнала «Лайф». А «угрожает» этой безопасности сальвадорский народ, который борется за свое право на человеческую жизнь.

Не имеют такого права ни сальвадорский, ни другие народы Центральной Америки, считают в Вашингтоне. Поэтому «инструкторы» учат солдат преследовать партизан, поджигать деревни, стрелять по старикам, женщинам, детям. Поэтому США организуют, финансируют и ведут войну против сальвадорского народа.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЧИЛИ

К неделе солидарности с борьбой народа и молодежи ЧИЛИ

ДОМОЙ!

Рассказ

Бог мой, дай мне силу... дай мне силу все пережить!

Столько раз я представлял себе этот день. Наконец! Наконец еду домой. С чужим паспортом, с чужим именем, но еду домой. Кто знает, куда заведет меня борьба, может быть, умру. Но теперь еду домой, и, если умру, это будет дома. Я часто слышал, что люди остаются живыми все долгие годы войны и потом бывают убиты шальной пулей через три месяца после последней битвы. Нет, не боюсь смерти, только боюсь, что какой-то случайный выстрел придет ко мне раньше, чем домой доеду. Что, например, совсем не увижу еще один раз снегом покрытые вершины моих Анд, пену моего моря, мою печальную страну.

Ну, который час? Время тянется, сижу здесь уже как на иголках, хочу уже быть в самолете.

...Снова выбросил сигарету, только до половины выкуренную... невозможно столько курить!

Как долго я был прочь от дома? Все время из одного места в другое, нигде не жил долго... Увидел много стран, этот мир, наверно, красивый, и люди различные. Может быть, теперь я узнал бы, какой национальности человек после пяти минут разговора с ним. Каждый народ имеет что-то типичное. И еще я начал сразу разделять людей вокруг меня: хорошие и плохие, без интереса и те, которые всегда хотят знать больше, оптимисты и пессимисты, несчастливые, которые плачут над собой, и несчастливые, которые борются за свою жизнь, не плачут, а идут вперед с верой в лучшее будущее. К каким принадлежу я? Как определили бы меня?

Нет, не способен сидеть на месте. Буду немножко гулять, отсюда к выходу и назад, много раз, надо успокоиться. Успокоить нервы...

Несколько лет назад в редакцию пришло письмо, а в нем была песня Виктора Хара. Из записки, сопровождавшей песню, мы узнали, что несколько молодых чилийских патриотов, которые были вынуждены покинуть родину после фашистского переворота 11 сентября 1973 года и теперь живут в ЧССР, хотели бы наладить переписку с «Ровесником». Знакомство состоялось. Песня Виктора Хара была опубликована на обложке нашего журнала как еще одно свидетельство несломленного духа чилийцев. С тех пор в редакцию поступило еще несколько корреспонденций. Мы опубликовали листовку, плакат... Для чилийцев, которые нам писали, говорить о Чили не значило умерить тоску по родине, так как тоска не проходит от воспоминаний. Для тех, кто нам писал, говорить о Чили означало приближать день возвращения на освобожденную родину, бороться за это.

Со дня переворота прошло десять лет. Недавно мы получили еще одно письмо из Праги. В нем — рассказы. Один из них назывался «Домой!». И хотя этот рассказ — неосуществленная мечта, но с каждым днем, с каждым часом — все более осуществимая. Потому что события, происходящие в Чили сегодня, свидетельствуют о небывалом подъеме сопротивления народа Чили фашистскому режиму Пиночета.

Об этом подъеме борьбы, означающем крах политики пыток, казней, террора, массового обнищания трудящихся, нашему корреспонденту рассказали при встрече в Москве член руководства Компартии Чили Хульета Кампусано и товарищ, имя которого не может быть названо, потому что он непосредственно участвует в ней там, в Чили.

Встреча с чилийскими товарищами состоялась недавно, однако события в Чили разворачиваются так стремительно, что публикации в прессе уже не поспевают за событиями. Чилийцы рассказали о крупнейшей манифестации, открытом выступлении народа 24 марта, а некоторое время спустя после этого рассказа прошли первомайские демонстрации. 11 мая состоялось самое массовое со времен фашистского путча выступление против правительства: по призыву Конфедерации рабочих меднорудной промышленности, Национального координационного центра профсоюзов и других организаций трудящиеся на 24 часа прекратили работу. Бастовали докеры, горняки, строители, транспортники, служащие многих государственных учреждений... Состоялись многочисленные демонстрации, митинги.

Каждый день подтверждает вывод, сделанный Компартией Чили в документе, распространенном в Сантьяго в апреле: 1983 год должен стать годом решительной борьбы за свержение Пиночета.

Так и будет!

«Рейс номер 732 Женева — Марсель — Париж — Лондон! Вылет в 17.30. Просим пассажиров явиться к выходу номер пять».

Наконец! Бог мой, дрожат колени! Дайте мне силу, кто-нибудь помогите и дайте мне силу, я должен ехать домой... домой... Ах, Чили, Чили, 10 лет мы не виделись, и теперь ты так близко. Наконец у меня руки не пустые, наконец могу взять в них мое оружие и идти против смерти. До сих пор побеждала она, но потому, что ее боялись, но теперь я и другие потеряли наш страх, и ты уже не сильнее нас, не можешь победить и не победишь!

Нет, я еще неуверенный, еще нет. И не буду, пока не буду сидеть в самолете, пока не отлетим, пока не буду в аэропорту «Пудауэль», пока не буду далеко от офицеров аэропорта.

Домой. Домой. Домой.

Так, уже сижу у окна, счастье. Где я остановился в своих воспоминаниях? Ага, то я в первый раз ехал в Аргентину, потом Панама, Куба, Мексика, Испания... и потом? Ага, Италия, но там я побыл только шесть месяцев. И потом здесь. Здесь я побыл два года, это успех.

Перенесу ли искушение не идти к своей семье? Что делать, другого выбора нет. Скоро надо будет идти в горы. Кто знает, какой будет конец? Хотел бы видеть всех еще раз. Но лучше нет. Сейчас они думают, что я еще далеко от опасности. Но если встречусь с кем-то знакомым на улице и он узнает меня? Я изменился, перестал носить бороду, и время дало мне очки, и в волосах скоро появятся седины. Время летит... нет, не буду думать об этом. Мог бы уже иметь детей, но имею только неясное представление о своей жене, я уверен, что тоже изменилась, узнал бы я ее еще? (Какой день мы выбрали себе на свадьбу! Но вместо свадебного путешествия — переворот!)

Самолет двинулся немножко. Идет! Хотел бы весь путь спать, но возможно ли спать? Нервы как струны гитары, в голове столько вещей... Летим. Дай мне силу и помоги мне во всем. Домой. Домой. Домой.

Беседа нашего корреспондента Н. Чугуновой с чилийскими патриотами

1

Меня зовут Хульета Кампусано. Мое имя можно публиковать свободно. Я живу в эмиграции почти десять лет. Все эти годы я живу моей родиной. Никто из коммунистов, покинувших Чили, никогда не думал, что нам предстоит такое. Мы были вынуждены уехать, и не только из соображений личной безопасности. В частности, решение об отъезде моем и Гладис Марин было принято руководством компартии потому, что, оставаясь в стране, мы не имели бы возможности вести партийную работу. Наши лица были слишком знакомы, наши имена повсюду известны. Первый месяц после фашистского переворота я и мои товарищи жили на положении людей, объявленных вне закона: с нами могло произойти все то, что происходило с тысячами людей, «пропавших без вести». Потом почти восемь месяцев нам не разрешали выезд, и восемь месяцев мы жили в помещении голландского посольства, которое дало нам политическое убежище. Мои дети не уехали. Они прошли через тюрьмы, как многие. Дочери и их мужья. Только через пять лет после фашистского переворота я смогла увидеть моих дочерей. У меня есть внуки. Мы пролетарская семья. В тридцать шестом году я вступила в Коммунистическую молодежь Чили, в тридцать восьмом в Коммунистическую партию. В шестьдесят первом году я была избрана депутатом конгресса от второго округа Сантьяго, а до этого я занимала должность муниципального советника Сантьяго от компартии. В шестьдесят пятом меня избрали сенатором от двух провинций. С сорок четвертого я член ЦК, и по сей день я состою в руководстве. На моих глазах и с моим участием происходила та борьба, которая привела к власти правительство Народного единства. Эта борьба была школой, которую прошел наш народ, и, конечно, эти страшные десять лет не могут изгладить из памяти чилийцев тот факт, что лишь во время правительства Альенде народ обрел возможность сам строить свое будущее и сам решать свои проблемы. Правительство Народного единства способствовало расцвету энергии народа, помогало, вело, поощряло. За три года правительства Народного единства многие достижения нашей многолетней борьбы против капитализма были закреплены законодательным путем. Усилиями левых организаций и правительства в Чили были открыты детские сады, снижен пенсионный возраст для женщин, внесены изменения в избирательное право. Народ успел воспользоваться завоеванными правами. Это крайне важно помнить сейчас, потому что память гарантирует времени, связанному с Альенде, любовь простых людей и, следовательно, гарантирует народу будущее — нашу победу в борьбе с фашизмом. Режим Пиночета бессилен стереть в памяти народа те годы, и это держит фашистов в постоянном страхе.

В истории капиталистических стран есть примеры того, как, придя к власти, правительства левых сил теряли доверие избирателей. Причина падения авторитета, в частности,— невыполненные обещания, несбывшиеся надежды. С правительством Сальвадора Альенде такого не произошло: наоборот, авторитет левых в стране все время рос; это самый поучительный урок, который мы прошли вместе с народом в годы, когда страной руководил Альенде.

Чилийская реакция понимала, что на том пути, где завоевываются симпатии простых людей, нас не победить. Тогда была применена военная сила. Но фашистский переворот не может изменить того положения, что никогда ни одно правительство в Чили не пользовалось такой исключительной поддержкой народа, как правительство Сальвадора Альенде, никогда стремление к новой жизни не было в нашем народе так сильно...

Эмиграция — это долг перед родиной. Это время, которое ни в коем случае нельзя потерять: это работа. И вот через десять лет мы можем смело сказать: партия выдержала испытание эмиграцией. Прошедшие годы показали, что Коммунистическая партия Чили сильна политически и идеологически. Нам удалось в условиях эмиграции и подполья, географической разобщенности сохранить партию и ее единое руководство. Члены партии, живущие на родине и живущие вне родины, по-прежнему понимают друг друга, мы чувствуем себя единой силой. В эмиграции, то есть в условиях разных стран, сохранена структура партийных организаций. Растут наши активисты, партийные руководители.

Но невозможно больше терпеть, видя, что разрушается страна, гибнут дети, целые поколения вырастают в атмосфере фашизма. У нашего народа один путь, все остальные закрыты Пиночетом,— подняться на борьбу всем вместе. Первым поднялся рабочий класс, защищаясь и атакуя. Поднялись женщины — жены погибших, высланных, пропавших без вести. Вновь, несмотря на запрет, начали свою деятельность политические партии.

Демонстрации, которые проходили в Чили в этом году, имеют огромное значение. Рост их участников очевиден. А первомайская демонстрация была просто грандиозна. Это значит, фашистам не удалось запугать народ ни пытками, ни колючей проволокой, ни гибелью товарищей. Теперь стало ясно: фашизм теряет силу, теряет уверенность в своей власти. Теперь это они — кто напуган, кто боится.

2

— Вы совсем недавно из Чили, и нам очень интересно все, что вы захотите рассказать.

— Я не могу рассказать многого, потому что мне очень скоро возвращаться назад. Вот почему прежде всего я прошу не публиковать нашей беседы в течение месяца. Пока я не вернусь домой.

— Мы выполним все ваши условия. Разумеется, ваше имя мы изменим на то, какое вы скажете. Какое будет ваше новое имя?

— Давайте ничего не будем придумывать. Никакого имени, хорошо? Может, мой рассказ покажется бедным...

— Что вы, ведь это жизнь.

— Да. Ну, так и начнем. Во-первых, наверное, кто я. Я профсоюзный деятель, это значит, что моя работа «легальная». Естественно, я состою в партии. Агенты фашистской охранки охотятся больше всего за подпольщиками, потому что они знают, что у нас подпольная работа — главная, она от них скрыта. У «легальных» меньше возможностей, они на виду. Мне приходилось быть и на нелегальном положении. Я могу сравнивать. Но ведь коммунист не имеет права выбирать себе поручения. Для нас главное — это наша цель. Мы добиваемся объединения народа в борьбе против фашизма и идем к этому постепенно. Сегодня в Чили существует мощное движение масс. Народ понял: больше так продолжаться не может. Особенно крупный шаг сделан за прошедший год. За это время было много выступлений протеста, и нашей задачей было лишь придать действиям масс более боевой характер. Нам удалось наладить собственные средства связи, так что сейчас мы можем координировать действия не только в пределах одного, скажем, района в Сантьяго или в провинции, но и в пределах всей страны.

Вот наши марши под лозунгом «Хлеба, работы, свободы!». Самый первый в прошлом году — тридцатого апреля — собрал всего лишь пятьсот человек. Тогда это было много. Почти ровно через год — двадцать четвертого марта — невозможно подсчитать, сколько было участников марша. Газеты сообщали о тысячах — двадцати или даже тридцати. Между этими двумя маршами был декабрьский. Пятнадцать тысяч человек.

— Расскажите о двадцать четвертом марта.

— В «кампании марта» была тысяча разных акций. Манифестации начались еще второго числа. Они были приурочены к Восьмому марта. Наши женщины по характеру очень решительные, боевые и даже воинственные. Они могут

быть смелы до отчаянности. В тот день — второго — было решено: хватит бояться! Пусть они боятся нас. К маршу женщины готовились очень старательно: набрали много хорошего перца для собак, с которыми обычно сопровождают наши демонстрации карабинеры. Перец для собак и кислота для мундиров. Пусть они теперь боятся нас. Каждая женщина шла с хозяйственной сумкой, а в сумке были пустые консервные банки, чтобы такой сумкой отбиваться от карабинеров. У каждой были иголки, чтобы колоть карабинерам руки, когда они станут арестовывать. Всего в тот день участвовало пять тысяч. Пять тысяч — и только женщины — шли в плотном полицейском коридоре. Именно шли.

— Шли?

— Раньше бегали. Только люди соберутся, как уже и бегут от полицейских. Ведь и бьют и арестовывают. А что значит «мы не потерпим их ударов, не побежим от них и заставим их смотреть на нас, как мы идем»? Это значит — драться с полицейскими.

— И в тот день были стычки с полицией?

— А как же. Были. Дрались. Но они арестовали из пяти тысяч только четырнадцать человек. Потому что были одни женщины и потому что полицейские начинают бояться манифестантов. Восьмого марта в трех городах в то же самое время, что и в Сантьяго, прошли подобные демонстрации. Но самая крупная была двадцать четвертого. В этот день в центре шли настоящие бои и строились баррикады.

— Расскажите, если можно, подробно. Очень хочется представить, увидеть!

— Хорошо, я попробую. Двадцать четвертого рано утром в Сантьяго приехала делегация индейцев мапуче, чтобы выразить протест против того, что у них отбирают землю. Такая акция была предусмотрена в «кампании марта». Индейцы собирались нанести визит министру, а потом участвовать в марше: сейчас они настроены так, что готовы на все. Такой у них характер: они крестьяне. Их было двадцать девять человек, все из разных провинций. Фашисты подвергают мапуче преследованиям во все годы существования пиночетовского режима. Мы солидарны с их борьбой, потому что проблемы индейцев — это проблемы чилийские. Мы содействуем им: предоставляем помещения, поддерживаем их выступления.

Итак, они пошли в министерство. Разумеется, их не приняли и не выслушали.

— Это была форма демонстрации?

— Да. Они сели в холле на пол и стали ждать. Ждали час. Чиновники бегали сообщать, что индейцы все сидят, и свешивались с лестничных пролетов, и пучились на них. Индейцы могли бы сидеть и день и два. Но через час заместитель министра сказал, что примет представителей. Принял и пообещал дать ответ через два дня.

— Что ответил?

— Ничего. Через два дня мапуче устроили пресс-конференцию, на которой заявили, что начинают в знак протеста голодовку. Вскоре индейцы получили декрет, в котором разрешались некоторые их проблемы. Пиночетовцы испугались не мапуче, а того, что может произойти, потому что сейчас ситуация в стране такая, что любая искра может вызвать пожар, восстание, вспышку.

Возможно, вам трудно понять, каким образом марш собрал так много людей. Не забывайте, работа была долгая, ежедневная, год за годом. Сейчас фашизм уже не может применять репрессии в открытую. В прошлом году фашисты убили профсоюзного руководителя, хотели напугать профсоюзных активистов. Не удалось: люди восприняли убийство не как сигнал к страху, а как сигнал к действиям. Убивать нас стало не так просто.

Как организуется марш? Обычно к определенному часу люди собираются на улицах, прогуливаются, рассматривают витрины. Двадцать четвертого марта еще с ночи весь центр был забит полицейскими. А люди все приходили и приходили. Но пока еще можно было думать, что все встретились случайно. Кто-то один, никому не известный, должен подать сигнал ракетницей. Это важно, потому что марш должен начаться внезапно и одновременно в разных районах Сантьяго и сразу же разлиться по улицам. Двадцать четвертого было шесть сборных пунктов и, значит, шесть ракет.

И марш пошел.

— А что происходит в следующую минуту, сразу после ракеты?

— Сразу все хором начинают скандировать лозунги. Появляются памфлетерос — люди, которые разбрасывают листовки. Листовок очень много. Туча листовок. Их бросают из окон, с крыш зданий, разбрасывают в толпе. Весь город за одну минуту засыпан листовками. Фашистов злят наши листовки, нет, бесят: это ведь такой беспорядок! А марш уже пошел из улицы в улицу, и у него нет маршрута. Просто любыми путями надо добраться до центра, пополняя свои ряды, и заполонить его. Теперь уже днем не хватают на улице и не арестовывают. Аресты начинаются в темноте, ближе к ночи.

— Люди несут плакаты?

— Нет, плакатики. Небольшие, чтобы каждый мог принести с собой. Дощечка на палке.

— Что делают карабинеры? Смотрят?

— Они бегают за памфлетерос, из-за угла швыряют гранаты со слезоточивым газом, пригоняют водометы. Так бывает всегда, так было и на этот раз. Но никогда еще не было так много людей участвующих в марше. Если полицейские сильно давят, то марш пытается их провести: расползается по улицам, чтобы потом снова собраться, обойдя карабинеров и водометы. Весь центр шумит. В центре марш стал таким огромным, что образовались пробки.

Каждая манифестация может и сорваться. До какого-то момента неясно, получится или нет. Ведь мы никогда не знаем, какие репрессивные меры применит полиция. День марша нельзя держать в тайне, люди о нем должны знать. Организаторы покупают в газетах место, как для объявления, и оповещают о марше. Так что готовятся к назначенному дню обе стороны. Поздно вечером двадцать четвертого, когда люди уже стали расходиться, а на улицах оставались самые молодые участники, которые всегда задерживаются дольше всех, потому что слишком увлечены и взволнованы,— начались ожидаемые аресты, было арестовано двести пятьдесят человек.

— Об этом узнают наутро?

— Нет, в тот же день. Ведь марш заканчивается, как работа, подведением первых итогов. Каждая организация, участвующая в марше, имеет назначенное место сбора после полуночи, где и выясняется, хотя бы приблизительно, кто арестован. Дело схваченных товарищей передают в суд обычно на следующий же день, и надо, чтобы сразу были подготовлены адвокаты. Важно успеть помочь. Есть группа хороших адвокатов...

Арестованных мучают в тюрьме, судят, высылают. Накануне марша для устрашения тоже были арестованы двенадцать руководителей молодежи. Ребят страшно пытали, потом вместе с еще двадцатью двумя товарищами сослали в Писагуа, где раньше был концлагерь, это дикое место.

— Были ли вы арестованы за эти десять лет?

— Нет. Когда я работала нелегально, то подвергнуться аресту означало прежде всего провалиться. Сейчас больше вероятности быть схваченной... Но пока нет.

— Можете ли вы рассказать о вашей семье?

— Лучше я не буду, хорошо?

— Можете ли вы рассказать, как вам удалось приехать?

— Я могу это рассказать лично вам, но не для печати.

— В первый ли раз вы приезжаете?

— ...

— Как лучше показать читателям, насколько важны эти приезды?

— Я вернусь с новыми силами.

— Вы устаете?

— Да.

— Вы счастливы?

— Да.

— Испытываете ли вы страх?

— Уже нет.

— Что вы хотите сказать на прощанье?

— Я хотела бы когда-нибудь рассказать все.

Нашим корреспондентом записан рассказ Тамары Павловны Ивановой, бывшей жительницы деревни Бычково Новгородской области. 19 декабря 1942 года она подверглась расстрелу вместе с остальными жителями деревень Бычково и Починок на льду реки Полисть. Ей тогда было восемнадцать лет. Чудом она осталась жива. Расстрел двух деревень — самое чудовищное преступление карательного отряда, которым командовал Александр Рисс. Отряд, носивший название батальона «Шелонь», или, иначе, «Восточный батальон егерей», входил в состав большого карательного фашистского формирования. На счету карателей сожженные деревни, грабежи, расстрелы в Дедовичском, Пожеревицком, Порховском и других районах Псковской области. В Новгородской области сожжены деревни: Костры, Поревичи, Петрово, Алексино, Скугры, Кривцы, Нивки, Глотово, Ратча, Уторгош, Городище, Чихачево — всего около сорока. 19 декабря 1942 года на льду реки Полисть было расстреляно около 250 жителей деревень Бычково и Починок. В списке расстрелянных, составленном после войны, люди в возрасте: до одного года — 7 человек, до 2 лет — 15, до 3 лет — 6, до 4 лет — 7, до 5 лет — 2, до 6 лет — 2, до 7 лет — 3, до 8 лет — 4, до 10 лет — 5, до 11 лет — 3, до 12 лет — 4, до 18 лет — 7, до 40 лет (женщины) — 26, до 50 лет (женщины в основном) — 18, до 60 лет — 11, до 70 лет — 13, до 80 лет — 8, до 92 лет — 3 человека. Спаслось восемнадцать. Личный состав батальона был награжден «штурмовыми значками».

Рассказ «Жить» — все, что смогла сохранить память одного человека. Мы дополняем его выдержками из протоколов допросов и свидетельских показаний. Описания событий 19 декабря 1942 года в тексте нет. Описание было бы слишком страшным.

ЖИТЬ

С. ТИЩЕНКО
Фото Г. МАЛАХОВА

«Дом наш был пятистенка и щепой крыт. Значит, хороший дом. Некоторые крыли соломой, попроще, но и хуже. А строить дом, если он из лесу, то есть из бревен, надо было год. Наши папа с мамой, как поженились, так сразу, наверное, и начали строить дом — или папа привез маму уже в готовый, дедовский? Да, когда строили, как возили из лесу тяжелые бревна, я этого не помню, и при мне дом стоял так, будто всегда стоял — хороший был наш дом!

Мама с папой познакомились у серболовского барина, мама была ранняя сирота и нанялась к барину в Серболово в кухарки, там наш папа ее и увидел.

Вот привез когда-то папа маму из ее Сагурова, бедную сироту, и стали они жить хорошо. Работали много. В пятистенке родились мои старшие сестры, которые перед войной успели замуж выкший к работе, к тому, что жизнь тяжелая: места наши для жизни трудные. Окружены мы болотами, лесами...

И было горе, куда от него денешься. Без горя жизни нет. Сказать, что лишнего горя не было — а когда оно нелишним бывает? Жалко, когда и старик глубокий помрет. Но, правда, жили мы, бычковские, долго. Только еще меня на свете не было, рассказывают, прошел по Бычкову тиф. Такой тиф случился страшный, что думали, что не будет больше нашего Бычкова, перемрут все. Но нет, вынесли, удержали жизнь, и новые люди народились в бычковских хороших домах. Это ведь потом, при Советской власти, доктора и фельдшеры появились, стали ездить по нашим болотам. А раньше и без докторов жили, думали, так и надо. А дети наши никогда не болели, не умирали — может, только редко-редко. Ото всего лечились малиной да травами, мне неизвестными.

выйти, но недалеко, чтобы не пропадать с глаз родни. Да сразу уж скажу, что в тридцать восьмом дом наш сгорел! Горе это было страшное, но тогда уже легко поправимое. Папе разрешили взять часть серболовского барского дома, он и привез по речке нашей, по Полисти, деревянную комнату, наверное, флигелек.

По Полисти, реке спокойной, шла вся наша жизнь. Гоняли дрова нашей речкой. Стирали, воду из нее пили, купались, будто вся наша жизнь Полистью приносилась и уносилась дальше — не быстро и не медленно, а как следует, получалось и в лад и вовремя. Народ, что в Бычкове, что в соседнем Починке, везде жил одинаковый: добрый, мирный и давно, с прадедовских времен, да что там — с испокон веку, при-

...А подрастали — так работой лечились, тяжелой работой: лес валить, хлеб жать, дома строить, детей поднимать и новые строить дома...

его бычковским, а мы — починковским ручьем! Учителем сначала был Михаил Павлович, потом Дмитрий Павлович, а потом Дмитрия Павловича забрали от нас в председатели Полистовского сельсовета. Самые умные и грамотные были наши учителя ведь. Ах, как мы праздновать любили!..»

Из протокола допроса Тимофеева-Михайлова Г. Т. от 4 августа 1966 года

— В Скуграх был образован 667-й батальон под названием «восточный». Как я помню, в нем было четыре роты, командиром второй роты был Александр Иванович Рисс... Ночью роту подняли по тревоге и направили к деревням Починок и Бычково. Бычково стояло недалеко от речки Полисть, а в метрах пятистах от Бычкова стояла деревня Починок...

...Папа наш носил бороду, такую окладистую, я его очень любила. Тут пришла к нам Советская власть известием о том, что будем строить свою школу, а потом, позже, стали приезжать в нашу местность учителя, агрономы, образовался сельсовет. Мы, не сказала я,— скобари, а те, дальше по реке, и в Починке многие — те поселяне. Мама наша поселянка, другой веры, а что за папу пошла, так видно, что преступила, но кого ей было спрашивать?

...И не потому ли, не из-за природы нашей скобарской, да из-за темноты, конечно, папа так долго упирался в колхоз идти, что мы все взмолились перед ним:

— Пап, да докуль упираться будете!

Он все в Библии хотел отыскать насчет колхозов, да ведь ничего в написанном не понимал, а к батюшке не шел из гордости. Уже все перешли в колхоз — из всего Бычкова остались всего папа да папкина сестрица, всем смешно. Вот зовут его на сходку:

— Павел, теперь надо идти, там приехали председателя нам выбирать, идем мнение свое говорить.

— Опять приглашать в колхоз свой начнете — не пойду! Писано в Библии про ваши колхозы твердо.

Так полгода проупирался, мучился, наверное, впервые в жизни.

...Да что — ведь впервые в жизни он так вот жизнь выбирал!

Не было тогда ни газет, ни радио, ни света. Но слыхать об этом уже начали мы. Пробирались, проходили к нам уже, через наши глухие болота и леса, первые сведения о кипящей далече жизни. Темно-то как мы раньше жили: молились в церквах и богу сообщали все наши смутные и несмелые надежды и по причине общей темноты, надежда на большое счастье ни в ком не была твердой. И вот мы начали понемногу подниматься, подниматься...»

Из протокола допроса Эйна И. Д. от 15 июля 1976 года

— Зимой 1942 года солдаты второй роты по приказу Рисса сожгли деревню Пустошка, в которой было дворов двадцать, двадцать пять.

ЖИТЬ

«...а в председатели выбрали Якова Ивановича, нашего мужика. Яков Иванович был совсем средний мужчина — не богатый и не совсем уж плохо бедняк. Мужик сильный, бойкий, к делу злой, но не болтун, и в летах он был, необразованный, как все. В общем, всем он угодил, и сразу сказали, что, мол, будет нашим председателем Яков Иванович, если велите начинать не временное, а навечное дело, серьезное, долгое, пожизненное. Назвали мы колхоз наш «Красная граница». Мы, дети, ходили в школу все же в Починок, а не в Лешу, потому что в лешинской школе было довольно своих охотников учиться. Мы ходили в Починок в чей-то дом попросторнее, школу пока строить было совсем некогда. Идем через ручей. Ручей тот был тем необычный, что починковские называли

ЖИТЬ

«...да уж, праздновать мы любили. За работой за праздниками не уследишь, но когда все обмолочено, в пуни сложено, тогда вся деревня высыпает во двор свои постели, вытрясает из них солому, стирает и скребет половицы, варит да пробует, дует на ложки... Канители много, весело, душно. Мы с мамой, бывало, носим-носим все постели от печки к воротам — устанем! А почему так много хлопот: да родня приезжает! Родни много вокруг — разъезжались, обженившись, недалеко, и родня вся жила по соседним деревням, а гостили по нескольку дней, так что в каждом доме припасалось много постелей, и в праздник, видно, у мамы руки отваливались угождать родне великой. Ее и за столом не видно было. Наряжалась деревня тогда красиво: занавески тканые, кисейные, тонкие да вышитые, платья тож. Из города-то уже стали приезжать наши девушки, остриженные, на зависть тем, кто с косицами еще ходил. Остриженные, да в платьях нехолстинных, не домашних, а магазинных. Мой брат так сидел-сидел да и уехал в город Ленинград, где стал пожарником и городским человеком и увидел жизнь, отличную от нашей.

В праздники как-то так получалось, что каждый был в почете — так же как в работе был каждый на виду. Нельзя было жить плохому человеку в Бычкове: очень скученно жили люди, не ладить нельзя... Ночью по всему дому

сон ходит: всюду от двери до печки родня разлеглась, только хруст соломенный стоит, как поворачиваются с боку на бок, и без скрипа по половичке не выскочишь на двор!

— Теперь уж вы к нам.

— Будем.

А после жатвы начинали копать картошку. Рано спать не ложились.

Вот колос обсохнет, и выходим жать. Вьешь связку и вяжешь сноп, а из девяти снопов делаем бабку, а сверху еще сноп, чтобы дождик не промочил. Так идем вперегиб, я за мамой. Кричат, чтоб обед всем начинать: упадешь в тень под бабку, достаешь обеденное: квас, и хлеб, и картошку, и огурец, и творог. Косы мокрые! Так с детства душа привыкла — без привычки нельзя у нас жить, умрешь».

Из протокола допроса Виноградова В. Е. от 28 июля 1976 года

— *Когда Рисс был командиром роты, он носил форму черного цвета с двумя узкими витыми серебристыми погонами и имел звание зондерфюрера. Насколько я знаю, это была форма тайной полевой полиции. А будучи штабным офицером, Рисс стал носить полевую форму с двумя серебристыми погонами, на которых было два ромбика, то есть имел звание капитана немецкой армии... Примерно неделю спустя после расстрела жителей деревни Петрово был еще один случай массового расстрела жителей из деревни Бычково. Операцией руководил лично капитан Рисс... Даже солдаты нашей роты высказывали недовольство такими карательными мерами, как расстрел безоружных граждан. В начале 1943 года Рисс стал командиром 667-го карательного батальона и руководил всеми карательными операциями... Рисс сначала имел медаль «Зима 1941—1942 гг.» и Железный крест 3-й степени.*

ЖИТЬ

«Я была нелюдимая, в бабушку. Она у нас была неласковая, самолюбивая, ничего не расскажет, ничего не поведает ни о прежней жизни, ни о мыслях своих: все молчит, прядет, думает. Я и пошла, видно, в бабушку. А больше, чем нелюдимая, я была пугливая: вот бывало и так: идем с супредка, то есть с вечеринки будничной, не воскресной, темно, я и боюсь, знаю заранее, что на мой край деревни никого молодежи нет. Боюсь пройти мимо избушки-церквушки с крестом на крыше: ну как там покойник, да и выскочит. Такие страхи чудятся мне, в лицах, замираю — шмыгну, да бегом домой, да бух, ткнусь в постель — не спится, не спится. Я тогда только начала на супредки ходить, а с парнями не гуляла, рано мне было, семнадцать стукнуло».

Из протокола допроса Тимофеева-Михайлова Г. Т. от 4 августа 1966 года

— *...Наше подразделение стояло в охране. На рассвете на лед речки Полисть бойцы 667-го батальона собрали население двух деревень. В группе собранных, я видел из кустов, были дети, старики, женщины, примерно около двухсот человек.*

Из протокола допроса Афанасьева И. А. от 17 августа 1976 года

— *...я уже упоминал, что карателями командовал изменник Родины Александр Иванович. Он был офицер, высокого роста, худощавый и беспощадный в отношении русских людей, очень злой. Говорили о том, что он расстрелял также одного карателя, который, увидев в небе советский самолет, высказал слова сочувствия к Советской Родине.*

Из приказа по операции «Вырубка леса»:

«Вначале окружить и очистить район севернее линии Пожеревицы — Лютые, затем умиротворить территорию до шоссе Сорокина—Болотова».

ЖИТЬ

«Так, проберусь в дом, ткнусь лицом в свою постель да перевернусь лицом вверх — задумаюсь-задумаюсь! В ушах песни да топот и смех, а ты как под небом лежишь, руки раскинула — плаваешь, слушаешь: нет тишины в мире, густо в воздухе, звучно, все полно в мире, нет пустоты, смерти будто нет в жизни.

Раньше было много змей, так чтобы по ягоды идти, надо было особенно наряжаться, сапоги высокие обязательно, чтобы за ногу не схватила. Целый день проходим за ягодой, если в колхозе дела для молодежи нет. Собираем, поем, только все не развлечение это — молодые, наряжаться уже хотелось, а Яков Иванович насоветовал нам ягоды собирать да сдавать. А о том, как мы пели,— это особенный рассказ. Много пели. Все сочиняли частушки про нашу жизнь, все самые мелкие события так помянут на праздниках — без шутки никак нельзя было. Смех часто был слышен, где соберется народ. Душа так отдыха просила и простора.

А однажды Яков Иванович достал для нашего Бычкова кино! Или, конечно, кино стало уже по многим деревням появляться. Это была необыкновенная радость для всего Бычкова. Ведь, если глядеть из центра, мы все еще жили в большой глуши, настоящая жизнь с культурой пробиралась к нам медленно. Кино вот — везут-везут его на телеге, а обок кино механик трясется, все кишки растрясет, пока доедет, все держится за свои драгоценные коробки с лентой. Привезли, а где это кино устанавливать? Устанавливали в гумне, конечно, где еще найти просторное помещение, чтобы вся деревня разом уселась! Растянем в гумне простыню пошире и поновей и очень кучно садимся на землю, а кто у стенок стоит, а кто на коленях, как перед фотографом. А тут уже и луч уперся в простыню.

...Яков Иванович тогда загорелся будущим особенно. Он жалел, что придется так ему, видно, и помереть безграмотным, и поэтому учащиеся были как бы в почете в деревне. Но должность свою Яков Иванович перед всеми давно уже оправдал, и он оказался вдумчивее, чем когда был простой единоличник. А двадцать второго июня старые люди сказали: «Что-то не тихо». Уже посеяно было, каменья убирали с полей. Убрали. Тут стали взрывы дальние ухать. А в августе мы овес жали у большака — и их увидели. Они по большаку проехали на мотоциклах. Проехали так т и х о и уехали, не было их долго слышно, а мы остались в нашей глуши и жили по-прежнему, колхоз наш держался, только думали, когда это исправится положение с войной. Всех забрали в армию, а незабранные ушли в партизаны. Таких было несколько мужчин. А Яков Иванович остался с нами, и «Красная граница» жила.

...Они ушли, и за то время кто-то старый успел в спокойствии помереть, а несколько маленьких народилось, продолжилась жизнь».

Из протокола допроса Тимофеева-Михайлова Г. Т. от 4 августа 1966 года

—*...Кузнецов сказал нам, что*

никого не выпускать, а кто побежит — стрелять. Затем был открыт огонь из пулеметов по группе людей на льду. В деревнях стояли и танки. Танки стали стрелять в место убийства людей с целью пролома льда и утопления убитых.

ЖИТЬ

«...несколько младенцев народилось, и жизнь так продолжилась. А в августе сорок второго они пришли. Велели найти нам себе старосту, а мужики говорят Якову Ивановичу: «Ты же наш вечный председатель, а им нужен староста для их немецкого порядка, какой же нам нужен староста!» — и так Яков Иванович назвался старостой, по просьбе всех, чтобы иметь возможность как-нибудь сохранить до прихода нашей Красной Армии нашу жизнь в сохранности, чтобы, когда придут к нам люди и спросят, как мы тут жили, мы могли бы ответить им, что жили мы между собой по советскому закону и Родину не предали. Через тех наших, которые подались к партизанам, партизаны узнали, что к нам можно приходить за помощью, и стали приходить, имея дело в первую очередь с Яковом Ивановичем, а он уже сообщал нам всем, что нужно. Так, придут ночью, а мы знаем, что, значит, наутро сход будет, распределение дел, заказанных партизанами. А чем мы могли партизанам помочь — вещами, продуктами. Нагрузим подводу, и кто-то дежурный поведет ее, хоронясь от немцев. Яков Иванович рассказал нам, что немцы велели ему, как только услышит о партизанах, так тотчас тайно бежать и донести про то.

Все мы знали, не было ни у кого тайны от другого — это чтобы пересилить их».

Из протокола допроса Тимофеева-Михайлова Г. Т. от 4 августа 1966 года

—...но лед был толстый, и стрельба танков не достигла поставленной цели.

ЖИТЬ

«Мы очень ждали наших листовок, в которых нам бы сообщили, что будет и долго ли терпеть. Но над нами все летали немецкие самолеты и кидали нам красивые, написанные по-русски и на хорошей бумаге их немецкие листовки, в которых прямо говорилось, что Советской нашей власти пришел конец и что если мы будем сотрудничать с немецкой властью, то заживем очень богато. Когда пролетел наконец над нами советский самолет и покидал нам немного военных наших листовок, то мы увидели, зачитав их перед всеми, что Советская власть есть, а немцам будет конец неминуемый. Так мы стали с того дня жарче смотреть на небо, и еще к нам один самолет пролетел...»

Из протокола допроса Тимофеева Ф. Л. от 17 августа 1976 года

— ...недалеко от меня я увидел мальчика лет десяти-двенадцати, который, раненный, сильно кричал. *На моих глазах пристрелили этого мальчика.* Возвращались мы обратно уже к вечеру. С собой никого не вели, *всех расстреляли.* В обращении с советскими людьми Рисс был беспощаден, и без его воли ничего не делалось.

Из протокола допроса Измайлова И. Г. от 10 июля 1976 года

— Это был чрезвычайно жестокий человек, всех, кто казался ему подозрительным, *он лично расстреливал.*

Из протокола свидетельских показаний Филипповой П. Ф. от 18 августа 1976 года

— *По распоряжениям Рисса А. И.* расстреляны сотни, а может быть, и тысячи советских людей.

ЖИТЬ

«...Яков Иванович вышел перед всеми и говорит: «Ну, теперь немцы все равно знают, что неспроста их подводы напоролись на партизан как раз около нашего Бычкова, пойду. Простите меня, если был перед вами не прав». И мы стояли перед ним как дети и ничего не могли ему сказать в утешение, потому что Яков Иванович шел сейчас за нас умирать. Нет, не был он перед нами не прав, не был несправедлив, а был он чист перед людьми — и за то, что имел чистую душу и совесть, немцы его убили, не вернулся к нам Яков Иванович, наш вечный председатель... В нашем доме как раз жила моя сестрица с мальчиком десятилетним и маленькой девочкой, ей годик всего-то был.

Вещи мы заранее, еще при Якове Ивановиче, вынесли в блиндажи, чтобы было в чем ходить, когда нас спалят, а что нас спалят, мы это знали, кругом деревни горели, кругом они деревни жгли. А сами вернулись в дома, чтобы пожить по-человечески, однако прошла неделя, а немцев не было, наверное, они о нас забыли.

И так прошла неделя, и мы стали думать, что немцы нас забыли и что Яков Иванович спас всех нас своей мучительной смертью, а в том, что они его замучили, мы уже не сомневались и не имели надежды на его жизнь, так как он к нам не вернулся. А девятнадцатого декабря был николин день...»

Из рассказа Тамары Павловны Ивановой, приобщенного к делу Рисса:

— ...*Нам приказали спуститься на лед реки Полисть. В это же время из другой деревни — Починок также жителей пригнали на лед.* Я видела, что каратели стали устанавливать пулеметы — один стоял на косогоре недалеко от нас, а другой стоял на льду на речке.

Они открыли по нас огонь из пулеметов и автоматов, едва мы были расстреляны, стрельба прекратилась, после этого по убитым стали стрелять из пушек. Сама я встать не могла, и мне помог старик Тихонов, который снял с меня убитых.

ЖИТЬ

«После расстрела я жила у тетки в Огурцове, оттуда меня забрали в лагерь, потом угнали в Германию. Женщины из барака стали меня спрашивать, что со мною было, и сказали, чтобы я записала это, если я грамотная, и тогда пройдет все, и дали мне листочек бумажки, и я записала, а потом это стало ходить по лагерю и все заучивали наизусть и передавали друг другу это стихотворение, которое написала я, не думая, что пишу, а только для того, чтобы остаться живой после этого, и в сорок пятом я вернулась, все деревья наши поломаны, и зацепиться жизнью не за что, в Бычкове в бане новые люди живут, а Починка вовсе нет. И долго ходила я и искала, чем мне зацепиться в жизни.

P. S. Предатель и палач Рисс А. И. после окончания войны проживал в Западной Германии и являлся участником антисоветской эмигрантской организации «Комитет освобождения народов России». В 1949 году выехал в США.

ЧАКОНА

Документальный рассказ

М. ШИШКИН

Позвольте, я вам помогу? Сильные руки подхватывают ее и возносят с низкой платформы в вагон. Она в нерешительности стоит, прижимая к себе скрипку. В старом телячьем вагоне пол засыпан ворохами сена. Кругом устраиваются люди, уминая под собой сено, будто делают себе гнезда. Чемоданы, тюки, ведра, детский велосипед. Куда нас везут? Извините, я, кажется, наступил вам на ногу! Куда нас везут? Но это место первой заняла я! Куда нас везут? Солдаты задвигают дверь, и в вагоне сразу становится темно. Когда поезд трогается, в зарешеченном окошке проплывает нарисованная мелом на стене блокгауза огромная буква V, полустертая дождем. Виктория, победа. После Сталинграда она все чаще появляется на домах Амстердама. Старый вагон трещит, качается из стороны в сторону. Люди достают из сумок еду, разворачивают на коленях свертки, жуют. Молодой человек в очках, который помог ей забраться в вагон, пытается в полутьме читать книгу. Мать вынимает девочке соринку из глаза. В углу играют в карманные шахматы. Старик глотает таблетку и ищет глазами, чем запить, его термос пуст. Она протягивает ему свою бутылку. Смотреть в окошко выстраивается очередь. Быстрее, быстрее, вы же тут не одни! Куда нас везут? День переходит в ночь, ночь в день. От переполненного ведра в углу нестерпимая вонь. Поезд останавливается. Пустая бутылка катится по полу. Кто-то подбирает ее и долго держит у рта в ожидании последней капли. Люди стучат кулаками в дверь. Выпустите нас! Дайте нам воды! Куда нас везут? Что с нами будет? Дайте воды! В окошко через решетку бросают горсть песка. Поезд трогается дальше. Старику плохо, он хватается за сердце и задыхается. Когда заканчиваются вторые сутки, гремит гром, еле различимый за стуком колес, и начинается дождь. Полусгнившая крыша протекает, люди подставляют широко раскрытые рты под струйки, высовывают сквозь решетку кружки. Вдруг она замечает, что старик умер. Он лежит, схватившись за горло, и в откинутую ладонь набралась лужица. Она вскакивает и барабанит в дверь. Немедленно откройте! Что вы делаете, немедленно откройте! У нас умер человек! Куда нас везут? Остановите! Куда нас везут? Куда нас везут! Поезд скрипит, вздыхает, лязгает и останавливается. Внимание, внимание, выходить с вещами! Забирать все! Все вещи сложить около своего вагона! Вы сможете получить их обратно после дезинфекции! Один за другим они неловко соскакивают на мокрый от дождя гравий, сбиваются в кучу. Люди в полосатой одежде вырывают из рук чемоданы, мешки, стягивают зимние пальто, выхватывают у женщин сумочки, отбирают зонтики. Куда нас везут? Что с нами будет? Почему вы молчите? У вагонов растут груды чемоданов, узлов, рюкзаков, мешков, сваливают в кучу ведра, пледы, детские коляски. Женская сумочка, упав, раскрывается, и в лужу летят цветные радужные банкноты, золото, часы. Подъезжают грузовики с большим красным крестом на борту. Смотрите, это Красный Крест! Я же говорил, что мы под охраной Красного Креста! Их выстраивают в колонну, и они по одному подходят к маленькому усталому человеку в мокром от дождя плаще. Движением руки он молча указывает, кому куда идти — влево, вправо, влево, вправо. Влево отходят молодые и сильные. Вправо женщины с детьми, старые, больные. Они забираются в грузовики, и их куда-то увозят. Из вагонов выносят калек и тех, кто умер в дороге, и забрасывают их в машины с красным крестом вместе с живыми. Что с нами будет? Куда нас везут? Влево, вправо, влево, вправо, вправо, вправо, вправо. У нее выхватывают из рук скрипку и бросают в общую кучу. Она молодая и идет влево. Двумя колоннами, мужской и женской, их ведут по размытой дороге. Что с нами будет? Куда нас ведут? Сквозь дождь пелена дыма. Что-то где-то горит. Тошнотворный запах, чуть прибитый дождем, лезет в нос, рот, щиплет горло. В огромном пустом бараке их раздевают, бреют наголо. Женщины ощупывают синие колючие затылки. В углу очередь. За столиком толстый человек делает татуировку, закусив от напряжения язык. Женщины разглядывают свежие номера на своих руках. Примеряют грубые полосатые халаты. Влезают в разбитые мужские ботинки. Их приводят в барак. В лицо ударяет вонь и сырость. Нары в три ряда. Новоприбывшие располагаются на нижних, самых грязных, по шесть женщин на одном матраце, набитом сгнившими стружками. Где те люди, с которыми я сюда приехала? Голая женщина с опухшими ногами, которая давит в своей одежде вшей, тычет ей пальцем в полузабитое окно. Из высоких труб за лесом вырывается темными спиралями дым. Ночью по нарам бегают крысы. Подъем в четыре часа. Утренняя вахта бегает по рядам и бьет спящих женщин по ногам, плечам, голове. Встают, шаря в темноте руками, разыскивая башмаки, спрятанные под мат-

рацы. Утренняя перекличка. Волоча по грязи опухшие ноги, обернутые тряпками, та женщина идет, не обращая внимания ни на крики охранников, ни на лай овчарок, туда, где около проволоки буйно растет трава. Она устало поднимает руки и ложится на электрические провода. Из мужского лагеря уже повели на работу. Между двумя рядами проволоки тянутся колонны заключенных. У ворот оркестр играет веселый марш. Женщин ведут на работу в лес. Без чулок синеют ноги, коченеют пальцы, спадают огромные башмаки, мерзнет голова, обритая до самой кожи. На опушке леса проложены рельсы. Обросли мхом и травой, наполовину ушли в землю. Женщины отвинчивают болты и складывают отдельно рельсы и шпалы, потом переносят их за два километра к соседнему лагерю. По лесной дороге проносятся мимо них грузовики с красными крестами. Из них крики людей. Куда нас везут? Что с нами будет? Куда мы едем? Запах дыма стоит в воздухе. Вечером, когда темнеет, идут в лагерь. Тех, кто не может идти, везут на тачках. Худые, как щепки, руки тянутся к мискам с грязно-зеленой жидкостью. На утренней перекличке, когда она стоит и смотрит туда, где растет около проволоки пышная зеленая трава, ее окликают по имени. Вы Альма Розе? Пройдемте, вас вызывает господин комендант! Ее ослепляет яркий электрический свет. Посредине большой чистой комнаты — рояль. Вокруг сидят девушки с инструментами, в чистых платьях, туфлях, с отросшим ежиком волос. Ей дают скрипку. Не ее, другую, но скрипку. В большом зеркале она видит, как страшное существо с синей бритой головой в грязном полосатом халате и стоптанных мужских ботинках прижимает к себе скрипку и плачет. Все вскакивают — входит комендант с начальницей женского лагеря. Слова коменданта доносятся до той, в зеркале, прижавшейся к скрипке, как сквозь сон. Она сильно изменилась, а он помнит ее еще по концертам в Вене. Он истинный почитатель ее таланта. Все немцы настоящие любители музыки. Какое счастье, что она попала сюда. Дело в том, что он хочет создать из заключенных музыкантов женский оркестр. Альма будет руководить им. Но я никогда раньше не дирижировала оркестром, господин комендант! А я никогда раньше не руководил Освенцимом! Комендант присаживается на подставленный стул и просит ее что-нибудь исполнить. Альма прижимает к щеке скрипку, но пальцы не слушаются, и смычок дрожит. Она несколько раз пытается начать, но ничего не получается. Господин комендант, я не могу. Он недовольно сопит, встает и уходит. Ее ведут в барак, где хранятся вещи,— в «канаду». В «канаде» чистота и порядок. Девушки в полосатых халатах сортируют вещи. Детскую обувь к детской, мужскую к мужской, женскую к женской. Отдельно горы ведер, чемоданов, очков, протезов, детских игрушек, мячей. Ее заставляют примерять то одно платье, то другое. Завтра приходит транспорт из Парижа, наверняка будет что-нибудь симпатичное. Со следующего дня Альма приступает к репетициям. Все, все не так! Это никуда не годится! Все сначала! Девушки смотрят на ее дирижерскую палочку со страхом. Они стараются, но играют плохо. Накануне, уходя, начальница сказала, что если оркестр будет так играть, девушек ждет газовая камера. Элжбетту, скрипачку из Польши. Лисли и Лауру из Бельгии. Эталину из Бухареста. Ольгу, аккордеонистку с Украины. Мишу́, 17-летнюю флейтистку из Лиона. Репетиция прерывается криками с улицы, лаем овчарок, выстрелами. Стоп, стоп, стоп! Вы играете отвратительно! Неужели вы сами не слышите, как отвратительно вы играете! Альма кричит на них и убегает в свою комнатку. Если оркестр будет плохо играть, девушек ждет газовая камера. Что делать? Что делать? Через несколько минут Альма возвращается спокойная, холодная, бледная. Я заставлю вас хорошо играть! Все, все сначала! Я заставлю вас хорошо играть! Вы будете играть! Оркестр репетирует немецкие марши, испанские танцевальные мелодии, польки, веселые увертюры фон Зуппе. Почти каждую неделю в клубе СС концерты. Они требуют, чтобы репертуар менялся как можно чаще. Не хватает нот. Альма вспоминает по памяти, записывает. Утром играют на лагерных перекличках. Во время построений для выравнивания линий эсэсовцы стреляют из автоматов вдоль колонны. На перекличку должны являться все, даже умершие ночью. Их выкладывают рядами перед строем. При выводе на работу оркестр стоит в воротах лагеря и играет бодрые марши. Альма выходит чуть вперед и дирижирует. Мимо идут одна за одной колонны, подгоняемые лаем собак. Кто-то из заключенных поднимает с земли грязь и швыряет в Альму. Охранники хватают его и, выкручивая руки, уводят. На вечерней перекличке его вешают на плацу. Оркестр играет польку. Днем девушки играют на платформе, куда прибывают новые транспорты с людьми. Из-за поворота медленно ползут товарные вагоны. В зарешеченных окошках испуганные плоские лица. Как только поезд останавливается, в вагонах начинают кричать, барабанить в двери. Воды! Дайте нам воды! Откройте! Куда нас везут? Что с нами будет? Эсэсовец дает очередь, и крики стихают. Подъезжают грузовики и выстраиваются у вагонов. К ним подставляют деревянные сходни. Внимание, внимание, выходить с вещами! Забирать все! Все вещи сложить около своего вагона! Вы сможете получить их обратно после дезинфекции! Люди неловко соскакивают на гравий, сбиваются в одну кучу. Заключенные из зондеркоманды вырывают из рук чемоданы, сумки, рывками стаскивают пальто. Куда нас везут? Что с нами будет? Почему вы молчите? Оркестр играет изо всех сил, в мелодии вальса тонут крики, плач. Растут груды вещей, одеял, одежды.

Женская сумочка, упав, раскрывается, и из нее вываливаются духи, часы, брошка. Офицер наклоняется и кладет все это к себе в портфель. Люди становятся на колени и пьют воду из лужи. Машины с красным крестом, заполненные людьми, отъезжают. Вдруг Эталина перестает играть и вскрикивает. В толпе она узнает своего отца, мать, бабушку, сестру с ребенком на руках, всю свою семью. Они радостно машут ей руками. Эталина кричит, чтобы сестра передала ребенка бабушке. Они не понимают, им кажется, что они не расслышали. Передайте ребенка бабушке! Передайте ребенка бабушке! Передайте ребенка бабушке! Сестра отдает ребенка и идет влево. Остальные неловко, помогая друг другу, залезают в грузовик. Куда нас везут? Что с нами будет? Вечером, когда лагерь стихает, а прожектор с вышки ощупывает каждый метр, огражденный колючей проволокой, и надрываются в лае собаки, Фаня, недавно прибывшая с транспортом из Франции, рассказывает, что носят сейчас в Париже. Вот такие вот юбки. Вот такие вот каблуки. Чулки достать невозможно, и девушки красят себе ноги. А прически, Фаня, расскажи, какие прически? Фаня, скажи, все еще танцуют свинг? Они долго ворочаются на своих койках и не могут уснуть. Слышно, как Мишу́ шепотом молится о том, чтобы перенестись сейчас домой, если нельзя перенестись на все время, то пусть хотя бы на один день. Или даже только на один час. Пусть даже всего на несколько минут. И тогда можно идти туда, куда увозят людей машины с красным крестом. Альма проводит ладонью по ежику на своем затылке. Волосы отрастают седыми. Она вспоминает, как отец учил ее держать скрипку. Ее родители, отец — участник знаменитого на всю Европу струнного квартета, мать — сестра композитора Густава Малера — хотели, чтобы она стала большим музыкантом. До лагеря в ее жизни ничего, кроме музыки, не существовало. В детстве музыка заменяла ей игры, друзей. Потом учеба в консерватории, репетиции, гастроли, концерты. После оккупации Австрии нацистами ей пришлось скрываться. Нелегально удалось по чужим документам перебраться во Францию. Оттуда она бежала в Голландию. Когда в Амстердам пришли фашисты, она перестала выходить из своей комнаты. Друзья, голландские музыканты, приносили ей еду. Больше всего ее тяготила невозможность играть. Но она все равно играла — про себя. На нее кто-то донес. Когда за ней пришли солдаты, она исполняла «Чакону» Баха. «Чакона» так и осталась недоигранной. Альме снится, как она учит маленького мальчика держать скрипку. В клубе СС регулярно проводятся концерты. Альма ставит в программу «Чакону». После отрывков из «Мадам Баттерфляй» оркестр играет увертюры Зуппе из «Царства бандитов», «Донны Жуаниты», «Легкой кавалерии». Эсэсовцы смеются, подпевают, хлопают в ладони. В конце вечера Альма выходит исполнять «Чакону». В зале клуба ничего не видно от табачного дыма, они разговаривают, кто-то громко смеется. Альма минуту стоит молча, потом объявляет, что концерт окончен. Под редкие пьяные хлопки Альма подходит к коменданту. На столе шампанское, фрукты, цветы. Господин комендант, девушки оркестра голодают. Комендант удивленно смотрит на Альму. Господин комендант, девушки в оркестре голодают, и нам нужны еще пюпитры и инструменты! На следующий день на репетицию приходит начальница и кладет круг колбасы на клавиши рояля. Солдаты вносят пюпитры и инструменты — саксофон, виолончель, несколько скрипок. Но это же чешский оркестр! Где чешский оркестр? Девушки играют на перекличках. При выводе на работу. При экзекуциях на плацу. Когда ведут в газовую камеру. На дне рождения коменданта. Его дети попросили заключенных, работающих в их доме прислугой, сшить им маленькие полосатые костюмчики, они разделились на заключенных и охранников и играют. Однажды Альме объявляют, что в составе концертной бригады она будет ездить по воинским частям на фронте. Ваше искусство будет служить солдатам вермахта! Завтра вы будете играть на платформе в последний раз! Альма взмахивает палочкой. Из-за поворота медленно ползут товарные вагоны. Приближается ее последний поезд. В окошках испуганные плоские лица. Как только поезд останавливается, в вагонах начинают кричать, барабанить в двери. Воды! Откройте! Дайте воды! Что с нами будет? Куда нас везут? Эсэсовец дает очередь. Крики стихают. Подъезжают грузовики и выстраиваются у вагонов. К ним подставляют деревянные сходни. Внимание, внимание, выходить с вещами! Забирать все! Все вещи сложить около своего вагона! Вы сможете получить их обратно после дезинфекции. Люди неловко соскакивают на гравий. Заключенные из зондеркоманды вырывают из рук чемоданы, рюкзаки, мешки, снимают с людей пальто, шубы. Куда нас везут? Что с нами будет? Почему вы молчите? Растут груды узлов, саквояжей, детских колясок, одежды. Из вагонов выносят умерших в дороге, калек, забрасывают их в грузовики. Люди становятся на колени и пьют воду из лужи. Молодые, здоровые отходят влево и строятся двумя колоннами, мужчины и женщины. Старики, матери с детьми, больные ждут посадки на грузовик совсем рядом с оркестром и слушают музыку. Порыв ветра вдруг уносит с пюпитров ноты. Белые листы разлетаются по воздуху. Девушки бросаются ловить их. Приехавшие с последним поездом обступают Альму. Скажите, куда нас везут? Что с нами будет? Это правда, что мы будем работать на кирпичном заводе? Это правда, что нас не убьют? Ведь если бы нас хотели убить, здесь бы не было оркестра и вы бы не играли для нас, ведь правда? Почему вы молчите? Альма говорит. Она не может больше молчать. Да-да, конечно, не бойтесь, с вами ничего не будет! Вы будете работать на кирпичном заводе, и если бы вас хотели убить, для вас бы не играл оркестр. Не бойтесь, слушайте, я буду играть для вас. Альма прижимает скрипку к щеке и играет. Подъезжает грузовик с красным крестом на борту. Солдаты загоняют в него людей. Не переставая играть, Альма поднимается по сходням в грузовик. Шофер заводит мотор и отъезжает. Держась за борт, когда машину качает на ухабах, старик прижимает к себе мальчика. Тише, тише, Филипп, не реви так, ты слышишь, это же бессмертная «Чакона».

P. S. Палач Ганс Липшис в 1941—1945 годах принимал участие в массовых уничтожениях людей в концлагерях Освенцим и Биркенау. После окончания войны нашел убежище в США, проживал в Чикаго. В настоящее время «исчез».

ПАРИЖ. Праздником молодости, мира, солидарности и дружбы между народами стал ежегодный фестиваль комсомольцев Франции, который прошел в рабочем пригороде Парижа Женвилье. В нем приняли участие и представители прогрессивной молодежи из 65 государств, в том числе и делегация Ленинского комсомола. О своей борьбе за мир рассказывали молодой ливанец, прошедший через израильский концентрационный лагерь, и израильский солдат, который сидел в тюрьме за отказ проходить службу в Ливане и на оккупированных территориях, японка, пережившая ужас Хиросимы, и английские женщины из лагеря мира возле американской военной базы в Гринэм-Коммон. Участники фестиваля выразили свою солидарность с освободительной борьбой народов Латинской Америки, с патриотами, сражающимися против апартеида в ЮАР.

КОМИЗО. Итальянские деятели культуры предложили создать в этом сицилийском городе, где сейчас идет подготовка к размещению новых американских ракет, Международный музей борьбы за мир. Они считают, что этот музей поможет в борьбе за мир не только итальянцам, но и всем, кто выступает против угрозы ядерной войны.

БОНН. Газета Германской коммунистической партии «Унзере цайт» посвятила один из своих выпусков актуальной теме: коммунисты и молодежь. Отвечая на вопрос, кто такие коммунисты, газета пишет: «Коммунисты не считают, будто безработица — это чья-то личная неудачливая судьба, а война — естественное явление. Они называют истинную причину этих бед — капиталистическое общество наживы. Они хотят перемен. ...Приспособленцев всегда достаточно — нужны борцы». В этом выпуске «Унзере цайт» рассказывает о делах молодых коммунистов сегодняшней ФРГ. Сбор подписей под Крефельдским воззванием против размещения на территории ФРГ американских ракет, борьба с предпринимателями за улучшение положения трудящихся, кампания за восстановление на работе учителей, уволенных за «левые взгляды», борьба с запретом на профессии, солидарность и помощь безработным и в первую очередь безработной молодежи, всего не перечислишь. Но главной своей задачей, самой важной и самой актуальной, коммунисты ФРГ считают борьбу за мир. Движение борцов за мир в ФРГ приняло гигантские масштабы, не считаться с ним уже нельзя.

На снимке: молодые коммунисты — участники мирной демонстрации.

ЛОНДОН. По инициативе Движения за ядерное разоружение сотни англичан приняли участие в четырехдневной блокаде американской военной базы в Аппер-Хейфорде. Они ложились на дорогу, ведущую к базе, преграждая путь автобусам с американским военным персоналом, взявшись за руки, пикетировали ворота. Полицейские с собаками и солдаты, которых было по меньшей мере в два раза больше, чем демонстрантов, арестовывали, растаскивали и разгоняли манифестантов. Но на их место вставали новые участники антиядерного протеста.

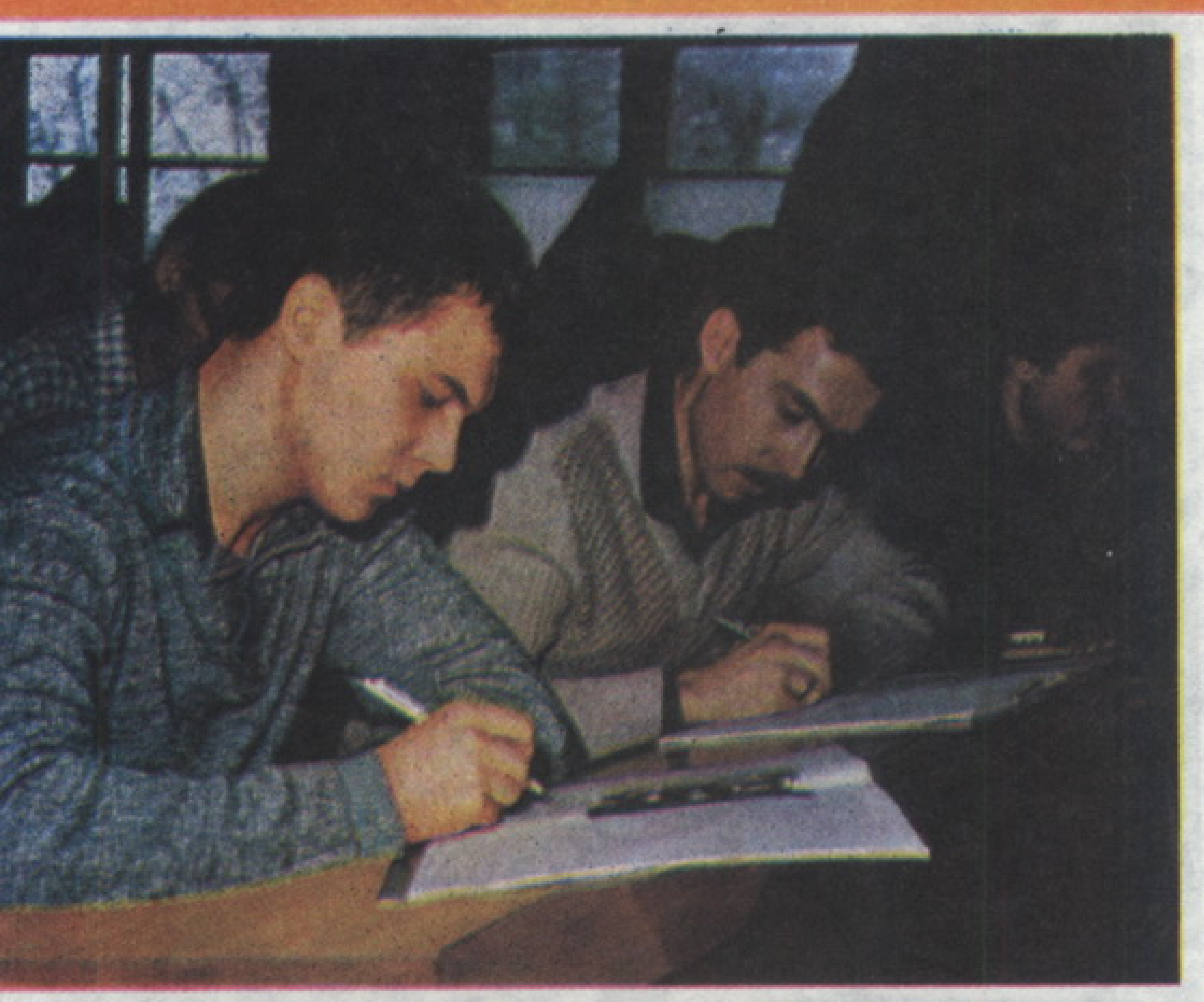

На снимке: в первый день блокады базы в Аппер-Хейфорде было арестовано около шестидесяти человек.

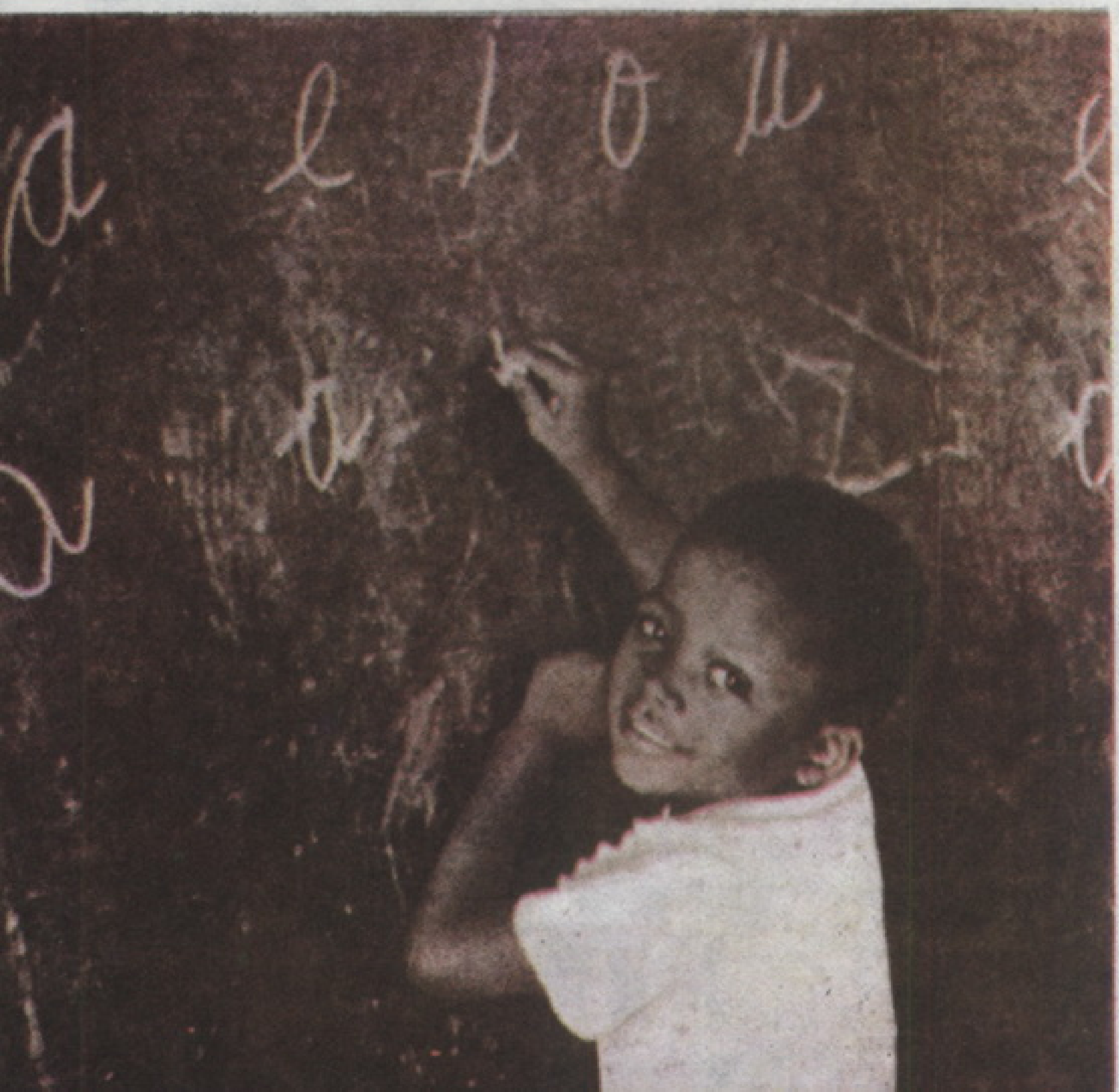
ТОРОНТО. Под руководством Коммунистического союза молодежи Канады, который в этом году отмечает свое 60-летие, и канадской Ассоциации молодежи за мир юноши и девушки страны отстаивают свое право на жизнь — выступают против угрозы войны и массовой безработицы. Согласно официальной статистике, 22 процента канадцев моложе 25 лет не имеют работы, двери вузов для выходцев из трудовых семей практически закрыты, средства на образование постоянно сокращаются. В то же время растет военный бюджет. Как заявила одна из участниц массового митинга молодежи, прошедшего в Торонто, «молодое поколение должно бросить вызов не только гонке вооружений, но и всей социальной системе, которая ее поддерживает».

На снимке: «Книги вместо бомб!» — с таким требованием вышли на улицы Торонто молодые канадцы.

ЛИБЕРЕЦ. Текстильный институт в этом городе на севере Чехословакии отмечает в этом году два юбилея: тридцатилетие своего основания и двадцатилетие дружбы с Московским текстильным институтом. С развитием чехословацко-советских экономических связей все больше растет потребность в специалистах, знающих особенности текстильной технологии обоих социалистических государств: чехословацкие выпускники московского института работают на советском оборудовании на предприятиях ЧССР, а советские выпускники либерецкого института работают на станках, которые делают на либерецком заводе. Преподаватели и студенты обоих вузов ведут совместную научную работу, результаты их исследований внедряются в производство в обеих странах. Герой Социалистического Труда ЧССР академик Йован Чирлич, ректор Либерецкого текстильного института, говорит: «Наш вуз завоевал авторитет в результате нашего сотрудничества с Московским текстильным институтом».

На снимке: эти ребята приехали учиться в Либерец из Москвы и Киева.

КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ. Девятнадцать лет работает в ГДР пионерский космический центр «Космо», как называют его пионеры-тельмановцы. Ребята от десяти до шестнадцати лет (их более шестидесяти) не только регулярно занимаются здесь теоретической и физической подготовкой, но даже проводят учебные «космические полеты». В их распоряжении специально оборудованный макет космического корабля, позволяющий имитировать обстановку космического полета. Четырнадцатилетний командир корабля Инго Фридель совершил уже сто «полетов». Его ровесник, астроном Хейко Сиппли «летал» более семидесяти раз. Пионерский космический центр известен далеко за пределами ГДР, каждый год он принимает 30 тысяч посетителей, в книге отзывов слова восхищения на немецком языке соседствуют с японскими, арабскими и многими другими. Центр носит имя первого космонавта ГДР Зигмунда Яна.

На снимке: юные космонавты Карл-Маркс-Штадта.

АДДИС-АБЕБА. На предприятия и в учреждения Эфиопии пришли еще две тысячи молодых специалистов — выпускников столичного университета. Это высшее учебное заведение играет важную роль в формировании национальных кадров. Молодая республика стремится покончить с отставанием в области образования. Со времени свержения императорского режима в стране построено четыре тысячи новых школ, 50 процентов детей охвачено начальным обучением. Цель правительственной политики — обеспечить право на образование для всего населения к 1990 году.

ГАВАНА. Молодежь Кубы взяла шефство над важнейшими экономическими объектами острова Свободы — на двадцати трех ударных молодежных стройках трудится более тринадцати тысяч человек. В Моа недавно состоялся общенациональный смотр строек Союза молодых коммунистов Кубы. Здесь было решено, что итоги социалистического соревнования между молодежными коллективами строек будут подводиться не только по производственным показателям, но и с учетом того, как внедряются новые прогрессивные формы труда, как проходят спортивные и культурные мероприятия, как организован быт молодых строителей.

ЛУАНДА. «Учить и учиться — задача всего народа» — таков один из самых популярных сегодня лозунгов в Анголе. Правительство молодой республики перестраивает систему образования на всех уровнях, приводит ее в соответствие с современными нуждами государства. Одна из насущных культурных потребностей Анголы — развитие национальных языков. Это не означает, конечно, полного отказа от португальского языка, речь идет о праве ангольского народа на самовыражение с помощью местных языков и наречий. Поэтому ангольские школьники будут изучать и свой родной язык, и португальский.

На снимке: «Школа должна служить делу революции!» — учится писать юный гражданин свободной Анголы.

Рис. С. ТЮНИНА

Р. ГОСИННИ,
французский писатель

Рассказы

Мальчик с пальчик

Учительница сказала, что директор уходит от нас на пенсию. Поэтому в школе жуткий переполох, будет концерт, как в конце учебного года: придут родители, для них в актовом зале поставят стулья, а для директора и учителей — кресла, и повсюду развесят гирлянды. А выступать, конечно, будем мы.

Каждый класс готовит какой-нибудь сюрприз. Старшеклассники покажут пирамиду — они встанут друг другу на плечи, а тот, что на самом верху, будет махать маленьким флажком, и все ему будут хлопать. Они уже показывали этот номер в конце прошлого учебного года, и было очень здорово, хотя в самом конце им не повезло с флажком — верхний не успел им помахать, а пирамида уже развалилась. Те, которые на класс старше нас, исполнят танец. Они все оденутся по-крестьянски, на ногах — сабо, станут в круг, будут топать ногами, а вместо флажка будут махать платочками и кричать «оп-ля!». Этот номер мы тоже уже видели в конце прошлого года, это не так интересно, как пирамида, но зато они не упали. Потом еще один класс споет смешную песенку, а один дяденька, который когда-то окончил нашу школу, произнесет речь и скажет нам, что он вырос настоящим человеком и стал письмоводителем в мэрии, потому что всегда слушался мудрых советов господина директора.

А мы будем лучше всех! Учительница сказала, что мы поставим спектакль! Настоящий спектакль, как в театре или в телевизоре у Клотера — своего у нас нет, потому что я никак не могу упросить папу его купить.

Пьеса называется «Мальчик с пальчик и Кот в сапогах», и сегодня вместо урока у нас будет первая репетиция, и учительница скажет, кто кого будет играть. Жоффруа на всякий случай оделся ковбоем, у него папа жутко богатый и все ему покупает, но учительнице его костюм не очень понравился. «Я тебя уже предупреждала, Жоффруа,— сказала она,— мне не нравится, когда ты приходишь в школу в таких нарядах. Тем более что в этой пьесе нет ковбоев».— «Нет ковбоев? — переспросил Жоффруа.— Тоже мне пьеса! Кому нужна такая пьеса?» И учительница поставила его в угол.

Пьеса была какая-то запутанная, и я не очень хорошо понял, в чем дело. Учительница сказала, что Мальчик с пальчик ищет своих братьев и встречает Кота в сапогах, а еще там есть маркиз де Карабас и людоед, который хочет съесть братьев Мальчика с пальчик, а Кот в сапогах помогает Мальчику с пальчик победить людоеда, и людоед становится очень добрым, он не ест братьев Мальчика с пальчик, и все очень довольны и дружно едят что-то другое.

«Ну,—сказала учительница,— кто будет играть Мальчика с пальчик?» — «Я, мадмуазель,— сказал Аньян.—Это главная роль, а я первый ученик в классе!» Аньян и правда первый ученик, он учительницын любимчик и очень плохой товарищ, он все время хнычет и ходит в очках, поэтому с ним нельзя драться. «Из тебя такой же Мальчик с пальчик, как из меня балерина!» — сказал Эд. Аньян тут же разревелся, а учительница поставила Эда в угол рядом с Жоффруа.

«Теперь нам нужен людоед,— сказала учительница,— людоед, который бы хотел съесть Мальчика с пальчик!» Я предложил Альцеста, потому что он очень толстый и все время что-нибудь жует. Но Альцест не согласился, он посмотрел на Аньяна и сказал: «Не хочу, он невкусный!» Первый раз в жизни вижу, чтобы Альцест отказался от еды, хотя у Аньяна и правда не очень-то аппетитный вид. Аньян обиделся, что его никто не хочет съесть. «Возьми свои слова обратно,— закричал Аньян,— а то я пожалуюсь родителям, и тебя выгонят из школы!» — «Тихо! — закричала учительница.— Альцест, ты будешь изображать толпу крестьян, а кроме того, я тебя назначаю суфлером — будешь подсказывать товарищам во время спектакля!» Альцесту так понравилось, что он будет подсказывать, как на уроке, что он вынул из кармана сухарик, сунул его в рот и сказал: «Ага!» — «Как ты разговариваешь! — закричала учительница.— Немедленно ответь по-человечески!» — «Ага, мадмуазель!» — поправился Альцест, и учительница тяжело вздохнула. У нее вообще в последнее время какой-то усталый вид.

На роль Кота в сапогах учительница сначала назначила Мексана. Она обещала, что у него будет красивый костюм, шпага, усы и хвост. Мексан очень обрадовался, что у него будет красивый костюм, усы и особенно шпага, но он никак не хотел прицеплять хвост. «С хвостом я буду похож на обезьяну»,— сказал он. «Ты и так на нее похож!» — сказал Жоашен. Мексан за это лягнул его ногой, а Жоашен тогда дал ему по шее, и учительница поставила их обоих в угол и сказала, что Котом в сапогах буду я, а если я не согласен, то она и меня поставит в угол. Еще она сказала, что все мы скверные мальчишки и надоели ей и ей жалко наших родителей, а если мы будем продолжать в том же духе, то плохо кончим и нас посадят в тюрьму и ей жалко наших будущих тюремщиков.

Потом она назначила Рюфюса людоедом, а Клотера — маркизом де Карабасом и раздала нам отпечатанные на машинке бумажки, где было написано, что мы должны говорить. Тут учительница увидела, что много актеров стоит в углу, и велела им выйти оттуда и помогать Альцесту изображать толпу крестьян. Альцест был недоволен, он считал, что прекрасно справится один, но учительница велела ему помолчать. «Так,— сказала она,— теперь начнем. Читайте ваши роли. Аньян, слушай внимательно: это лес, ты приходишь сюда, ты в отчаянии, ты ищешь своих братьев и встречаешь Николя, Кота в сапогах. А вы, толпа, вы говорите хором: «Смотрите, это Мальчик с пальчик и Кот в сапогах!» Начали!»

Мы встали перед доской. Я заткнул за пояс линейку, как будто это шпага, а Аньян начал читать свою роль. «Мои братья,— сказал он,— где же мои бедные братья!» — «Мои братья,— закричал Альцест,— где же мои бедные братья!» — «Что ты делаешь, Альцест?» — спросила учительница. «Как что? — ответил Альцест,— вы мне велели подсказывать, вот я и подсказываю!» — «Мадмуазель,— сказал Аньян,— когда Альцест подсказывает, у него изо рта летят крошки прямо мне на очки, и я ничего не вижу. Я пожалуюсь родителям!» Тут Аньян снял очки, чтобы их протереть, а Альцест на радостях влепил ему оплеуху. «По носу,— завопил Эд,— дай ему по носу!» Аньян стал кричать и плакать. Он сказал, что он совсем несчастный, что его хотят убить, и начал кататься по полу. Тут Мексан, Жоашен и Жоффруа стали изображать толпу. Они кричали: «Смотрите, это Мальчик с пальчик и Кот в сапогах!» А я дрался с Рюфюсом. У меня была линейка, а у него пенал. Репетиция шла просто отлично, и вдруг учительница как закричит: «Прекратите! Марш на место! Спектакль отменяется. Я не хочу, чтобы директор видел весь этот цирк!» Мы. все прямо рты разинули.

Первый раз в жизни вижу, чтобы учительница наказывала директора!

Джоджо

У нас в классе новенький. После обеда учительница привела мальчика. Он был рыжий, весь в веснушках, а глаза голубые, как шарик, который я проиграл вчера на переменке, но это все потому, что Мексан играл нечестно. «Ребята,— сказала учительница,— вот ваш новый товарищ. Он иностранец, и родители отдали его в нашу школу, чтобы он научился говорить по-французски. Я надеюсь, что вы ему поможете и будете к нему внимательны». Потом учительница повернулась к новенькому и сказала: «Скажи своим новым друзьям, как тебя зовут». Новенький не понял, чего хочет учительница, он улыбнулся, и мы увидели, как у него много зубов. «Везет же человеку,— сказал толстяк Альцест, который вечно что-нибудь жует,— с такими зубами он, наверно, может откусывать здоровые кусищи!» Новенький по-прежнему молчал, и учительница сказала нам, что его зовут Жорж Макинтош. «Йес,— сказал новенький,— Джордж». — «Простите, мадмуазель,— спросил Мексан,— так его зовут Жорж или Джордж?» Учительница объяснила нам, что новенького зовут Жорж, но на его родном языке это произносится как Джордж. «Хорошо,— сказал Мексан,— мы будем звать его Жожо».— «Ну нет,— сказал Жоашен,— тогда уж Джоджо».— «Заткнись, Джоашен»,— сказал Мексан, и учительница поставила их обоих в угол.

Учительница посадила Джоджо рядом с Аньяном. Аньян отнесся к нему недоверчиво, ведь он отличник и любимчик учительницы, поэтому он боится новеньких — вдруг и они станут отличниками и любимчиками? С нами-то Аньян может быть спокоен.

Джоджо сел и продолжал улыбаться во весь свой зубастый рот. «Жалко, что никто из вас не говорит по-английски»,— сказала учительница. «Я овладел начатками этого языка»,— сказал Аньян, который и правда здорово шпарит. Но когда Аньян захотел блеснуть своими начатками перед Джоджо, Джоджо посмотрел на него, потом засмеялся и покрутил пальцем у виска. Аньян очень обиделся, но Джоджо был прав. Потом выяснилось, что Аньян сказал, что у него есть костюм, который очень богат, и что сад его дяди больше, чем шляпа его тети. Совсем спятил!

Когда прозвенел звонок, все вышли на переменку, только Жоашен, Мексан и Клотер остались в классе, потому что их наказали. Клотер двоечник и не выучил урок. Когда Клотера вызывают, его всегда потом не пускают на переменку.

Во дворе ребята окружили Джоджо. Все наперебой задавали ему вопросы, но он только улыбался в ответ. А потом он заговорил, но никто ничего не понял, потому что он все твердил «уиншуиншуинш» и больше ничего. «Все дело в том,— сказал Жоффруа, который часто ходит в кино,— что он недублированный. Вот если бы к нему титры!» — «Я могу попытаться перевести»,— сказал Аньян. Он хотел еще раз пустить в ход свои начатки. «А ты,— сказал Рюфюс,— ты просто дурак!» Эти слова очень понравились новенькому, он показал пальцем на Аньяна и сказал: «У, дуракдуракдурак». Он был очень доволен. Аньян заплакал и ушел, вечно он ревет, этот Аньян. А нам Джоджо понравился, и я даже отломил ему кусочек шоколадки, которую мама дала мне с собой. «А каким спортом у вас занимаются?» — спросил Эд. Джоджо, конечно, ничего не понял, он продолжал твердить «дуракдуракдурак», а Жоффруа ответил: «Тоже мне вопрос, в теннис они играют, во что же еще!» — «Лопух несчастный,— закричал Эд,— я не с тобой разговариваю!» — «Лопух несчастный! Дуракдурак!» — радостно закричал новенький. Но Жоффруа не понравилось, что Эд так его обозвал. «Это кто лопух?» — спросил он и сделал это совершенно напрасно, потому что Эд очень сильный и очень любит врезать кому-нибудь по носу, и носу Жоффруа не повезло. Когда Джоджо увидел кулак Эда, он перестал повторять «дуракдурак» и «лопух несчастный». Он посмотрел на Эда и сказал: «А, боксинг!» И тоже сжал кулаки и стал пританцовывать вокруг Эда, как боксеры в телевизоре у Клотера — своего у нас нет, и я все время прошу у папы, чтобы папа купил его. «Чего это с ним?» — спросил Эд. «Он хочет с тобой побоксировать, дубина»,— ответил Жоффруа, потирая нос. Эд сказал «хорошо» и хотел дать Джоджо по носу, но промахнулся. Джоджо дрался гораздо лучше, чем Эд. Он надавал ему тумаков, и Эд начал злиться: «Как же мне с ним драться, если он все время прыгает?» — закричал Эд и — бац! — получил такой удар, что аж сел на землю. Но Эд не обиделся. «Ну ты и силач!» — сказал он, вставая. «Силач, дурак, лопух несчастный!» — ответил новенький, он все запоминает страшно быстро. Переменка кончилась, и Альцест, как всегда, пожаловался, что у него не хватило времени доесть четвертый бутерброд.

Когда мы вошли в класс, учительница спросила у Джоджо, весело ли ему было, а тут Аньян встал и говорит: «Мадмуазель, они учат его ругаться!» — «Это неправда, врун проклятый!» — закричал Клотер, который не выходил на переменку. «Дурак, лопух несчастный, врун проклятый»,— гордо произнес Джоджо.

Мы сидели и молчали, потому что было видно, что учительница очень недовольна. «Стыдно злоупотреблять тем, что ваш товарищ не знает французского языка! Я вас просила быть к нему внимательными, но разве на вас можно положиться! Вы вели себя как дикари, как невежи!» — «Дурак, лопух несчастный, врун проклятый, дикари, невежи»,— сказал Джоджо. Он все больше и больше радовался, что выучил так много новых слов.

Учительница посмотрела на него с изумлением. «Но... но, Жорж,— сказала она,— не надо говорить таких вещей».— «Мадмуазель, вы видели? Что я вам говорил?» — сказал Аньян. «Аньян, если ты не хочешь, чтобы я тебя наказала,— закричала учительница,— то держи свои замечания при себе». Аньян заплакал. Тут кто-то крикнул «ябеда-корябеда»,— хорошо, что учительница не видела, кто это был, а то бы мне влетело. Аньян стал кататься по полу и кричать, что никто его не любит, что это ужасно и что он умрет, и учительнице пришлось вывести его, чтобы умыть и успокоить.

Когда учительница с Аньяном вернулись, у нее был усталый вид, но тут, к счастью, прозвенел звонок. Перед уходом учительница посмотрела на новенького и сказала: «Интересно, что подумают твои родители».— «Ябеда-корябеда»,— ответил Джоджо и пожал ей руку.

Учительница зря беспокоилась: родители Джоджо решили, наверно, что он выучил по-французски все, что нужно.

Поэтому больше Джоджо к нам в школу не приходил.

Память на всю жизнь

Сегодня мы пришли в школу радостные: учительница сказала, что мы будем фотографироваться и у нас останется память на всю жизнь. Еще она сказала, чтобы мы аккуратно оделись и причесались.

Когда я вошел в школьный двор, голова у меня блестела от бриллиантина. Все ребята уже собрались, и учительница как раз ругала Жоффруа за то, что он пришел в костюме марсианина. У Жоффруа папа жутко богатый, чего Жоффруа ни захочет — все ему покупает. Жоффруа сказал учительнице, что хочет фотографироваться в костюме марсианина, а если нельзя, тогда он вообще не будет фотографироваться.

Фотограф тоже уже пришел, и учительница ему сказала, чтобы он снимал поскорее, иначе у нас пропадет урок арифметики. Аньян сказал, что было бы жалко пропустить урок арифметики, потому что он любит арифметику и решил все задачки, которые задали на сегодня. Эд хотел врезать Аньяну по носу, но у Аньяна очки, поэтому ему не очень-то врежешь. Учительница стала кричать, что мы несносные дети и что если это безобразие будет продолжаться, то мы вовсе не будем фотографироваться и немедленно пойдем на урок. Тогда фотограф сказал: «Ничего, ничего, не волнуйтесь, я умею разговаривать с детьми, вот увидите, все будет хорошо».

Он решил поставить нас в три ряда: те, кто в первом ряду, сядут на землю, те, кто во втором — встанут по обе стороны от учительницы, которая будет сидеть на стуле, а те, кто в третьем,— встанут на ящики. Это он здорово придумал.

За ящиками мы пошли в подвал. Было очень весело, потому что в подвале темно, и Рюфюс надел себе на голову мешок и кричал: «У-у-у! Я привидение!» Тут пришла учительница. Она очень рассердилась, так что мы поскорее схватили ящики и выбежали из подвала. Один Рюфюс остался. Он в своем мешке ничего не видел и продолжал кричать: «У-у-у! Я привидение!» Учительница сняла с него мешок, и он неимоверно удивился.

Учительница вывела Рюфюса во двор за ухо, но потом отпустила, схватилась за голову и говорит: «Господи, вы же все черные!» Мы там, в подвале, и правда немножко испачкались. Учительница рассердилась, а фотограф сказал, что это не страшно: пока он будет расставлять ящики, мы успеем умыться. Кроме Аньяна, только у Жоффруа лицо было чистое, потому что у него на голове была марсианская каска — точь-вточь большая кастрюля, только без ручек. «Вот видите,— сказал Жоффруа,— Если бы все оделись как я, все было бы в порядке». Было видно, что учительнице очень хочется надрать Жоффруа уши, но ручек-то у его кастрюли нет, и ей не за что взяться. Да, костюм марсианина — вещь что надо!

Мы умылись, пригладили волосы и вернулись во двор. Мы побрызгались водой и были немножко мокрые, но фотограф сказал, что это не страшно и на фотографии ничего не будет заметно.

«Ну как, ребята,— сказал фотограф,— хотите порадовать учительницу?» Мы ответили, что хотим, потому что очень любим учительницу, она вообще-то добрая, когда не сердится. «Тогда,— сказал фотограф,— быстренько по местам, и я вас сниму. Самые высокие пусть встанут на ящики, те, кто пониже, пусть стоят на земле, а самые маленькие пусть сядут». Пока мы становились по местам, фотограф объяснял учительнице, что в работе с детьми главное — терпение, и тогда от них можно всего добиться. Но учительница не успела дослушать его до конца: ей пришлось нас разнимать, потому что все хотели стоять на ящиках.

Эд кричал: «Я самый высокий!» — и сталкивал всех, кто хотел взобраться на ящики. Жоффруа не хотел слезать, поэтому Эд врезал ему кулаком прямо по марсианскому котелку и сильно ушиб руку. А всем остальным пришлось стаскивать с Жоффруа проклятую кастрюлю, потому что его голова в ней застряла.

Учительница сказала, что предупреждает нас в последний раз, и если мы будем продолжать в том же духе, то немедленно пойдем на урок. Тогда мы решили вести себя как следует и встали по местам. Жоффруа подошел к фотографу и спросил: «А какой у вас аппарат?» Фотограф улыбнулся и сказал: «Сейчас, малыш, из этого ящика вылетит птичка». — «Ваш ящик устарел,— сказал Жоффруа,— вот мне папа подарил аппарат — это да! С короткофокусным объективом, с телеобъективом, ну и, конечно, со светофильтрами». Фотограф как-то растерялся: он перестал улыбаться и велел Жоффруа встать на место. «Фотоэлектрическая камера-то хоть у вас есть?» — спросил Жоффруа. Фотограф почему-то очень рассердился и закричал: «В последний раз говорю, марш на место!»

Все встали по местам. Я сел на землю рядом с Альцестом. Альцест мой друг, он очень толстый и все время что-нибудь жует. Только он откусил кусок булки с вареньем, как фотограф велел ему перестать жевать; тогда Альцест сказал, что не ходить же ему голодным. «Брось свою булку!» — закричала учительница, которая сидела как раз позади Альцеста. Альцест от неожиданности уронил булку прямо себе на рубашку. «Ну вот»,— сказал Альцест и попробовал собрать варенье кусочком хлеба. Учительница сказала, что единственный выход — поставить Альцеста в последний ряд, тогда не будет видно, что у него на рубашке пятно. Она сказала: «Эд, уступи товарищу свое место».— «Никакой он мне не товарищ,— ответил Эд,— и место я ему не уступлю. Пусть лучше повернется к аппарату спиной, тогда не будет видно ни его пятна, ни его толстой морды». Учительница рассердилась и в наказание велела Эду проспрягать предложение: «Я не должен отказываться уступить свое место товарищу, который уронил варенье себе на рубашку». Эд ничего не сказал, он спрыгнул с ящика и пошел в первый ряд, а Альцест пошел в последний. От этого произошел небольшой беспорядок, особенно когда Эд, проходя мимо Альцеста, задел ему кулаком по носу. Альцест хотел дать Эду коленкой под зад, но Эд очень ловкий, он увернулся, и удар достался Аньяну, хорошо еще, что на этом месте у него нет очков. Но Аньян все равно заплакал и закричал, что он ничего не видит, что никто его не любит и что он хочет умереть. Учительница стала его утешать, высморкала ему нос, пригладила волосы и в наказание велела Альцесту сто раз написать предложение: «Я не должен бить товарища, который меня не трогал и который носит очки».— «Так тебе и надо»,— сказал Аньян. Тогда учительница и ему дала фразу в наказание. Он так удивился, что даже не заплакал. Тут учительница надавала нам всем кучу предложений в наказание, а потом сказала: «Учтите, если будете хорошо себя вести, я все дополнительные задания отменю. Быстренько встаньте по местам, улыбнитесь, и господин фотограф нас снимет». Нам не хотелось огорчать учительницу, и мы сделали, как она просила. Мы встали по местам и улыбнулись.

Но с фотографией, которая останется у нас на память на всю жизнь, ничего не вышло. Пока все шумели, фотограф ушел. Так что зря мы улыбались.

Перевела с французского О. ГРИНБЕРГ

Джек НЬЮФИЛД,
американский журналист

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Боксеры-профессионалы умирают на ринге... Кто виновен в этом? Судья? Менеджер? Антрепренер? Боксер-победитель? Может быть, следует запретить профессиональный бокс? Или обязать боксеров носить защитные шлемы? Возможно, надо ограничить количество раундов? Или сделать боксерские перчатки более мягкими? Можно ли добиться более тщательного врачебного осмотра боксеров перед боем?

После гибели на ринге боксера-легковеса Дак Ко Кима все эти вопросы вновь стали трагически злободневны. Мне же хочется обратить внимание на обстоятельства, которые предопределяют неотвратимость несчастья,— дух наживы и всеобщей продажности, процветающий в нашем профессиональном боксе.

Организатором боя между Рэем Мансини и Дак Ко Кимом был Боб Эрам. Накануне, 30 сентября, он же устраивал другой поединок в Чарлстоне (Южная Каролина). Встречу показывали по телевидению.

Это был полуфинальный матч между «непобедимым Билли Коллинзом» и неким Рэхимом Тэйибом, о котором сообщалось, что он боксер-профессионал, одержавший в семнадцати боях одиннадцать побед. На самом же деле Рэхим Тэйиб был боксером-самозванцем, использовавшим фальшивое имя. Настоящее имя этого спортсмена — Эдди Флэннинг. И под своим настоящим именем он был нокаутирован в пяти последних проведенных им встречах. Врачи запретили Флэннингу принимать участие в каких-либо боях в течение двух месяцев. И тем не менее шесть дней спустя он вышел на ринг в Южной Каролине под вымышленным именем и с придуманным списком спортивных «побед».

В тот вечер, когда разыгрывался поединок-фарс между Коллинзом и «Тэйибом», спортивную телепрограмму комментировал Рэнди Гордон, помощник редактора журнала «Ринг-мэгэзин», а в прошлом — боксер-любитель. Заметим, что Гордон выгодно отличается от многих телекомментаторов честностью и компетентностью своих суждений.

Еще до состязания, во время взвешивания боксеров, Гордон узнал в «Тэйибе» Эдди Флэннинга. Он подошел к нему и сообщил, что знает его подлинное имя. Гордон также известил об этом Боба Эрама. Комментатор официально предупредил его, что считает своим моральным долгом передать в эфир сообщение о том, кто выступает на ринге под именем «Тэйиб».

И все-таки этот постыдный бой-избиение состоялся. «Тэйиб» не мог сдержать стонов, с трудом пытаясь отражать удары противника. Его рот и нос кровоточили. Уже во втором раунде он оказался в нокдауне, а в третьем потерпел окончательное поражение.

Во время поединка Рэнди Гордон, как и обещал, информировал зрителей о том, что, по его мнению, загадочный «Тэйиб» — это в действительности Флэннинг, но что сам «Тэйиб» яростно отрицает подобное предположение. Вернувшись в Нью-Йорк, Гордон достал фотографию Эдди Флэннинга, просмотрел видеозапись его встречи с Барретом и убедился в своей правоте.

А три недели спустя Рэнди Гордона уволили с должности телекомментатора. Это увольнение прямо связано с тем, что он посмел разоблачить чарлстонскую аферу Боба Эрама, хотя руководство телевизионной компании отрицало подобную связь.

Дело в том, что телекомпания, спе-

циализирующаяся на спортивных программах, заключила с Бобом Эрамом двухлетний контракт, по которому получила право на трансляцию всех устраиваемых им состязаний.

Эрам утверждает, что не имеет никакого отношения к увольнению Рэнди Гордона, а то, что Гордон лишился места почти сразу после состязаний в Чарлстоне,— чистое совпадение. Но несколько сотрудников Эрама по секрету сообщили Гордону, что его увольнение — дело рук их хозяина. Известен и такой факт: в тот вечер один из сотрудников «Нью-Йорк таймс» разговаривал с Бобом Эрамом по телефону. И Эрам сказал: «Пусть Рэнди поостережется распускать язык. Иначе у него могут быть крупные неприятности».

В Чарлстоне телекомпания в союзе с Бобом Эрамом сознательно пошла на подлог. Но самое печальное в этом то, что чарлстонский трюк лишь чудом не закончился трагедией. Ведь в таком чудовищно неравном поединке Эдди Флэннинг вполне мог погибнуть.

В профессиональном боксе существуют две международные организации — Всемирная ассоциация по боксу и Всемирный совет по боксу. Они публикуют ежемесячные «рейтинги» — классификационные списки боксеров, а также санкционируют состязания за чемпионские звания. Общеизвестно, что и ассоциация и совет насквозь пропитаны духом наживы и крайнего цинизма. Действиями этих «специалистов» по боксу манипулирует горстка антрепренеров и менеджеров (характерно, что председатель ассоциации по боксу находится сейчас под судом за контрабанду).

Конкурент Эрама в сфере организации наиболее престижных боксерских состязаний, Дон Кинг, самым тесным образом связан с советом по боксу. Сам же Эрам фактически диктует свою волю ассоциации.

Сейчас почти в каждой весовой категории существует по два боксера-чемпиона: одного из них признает ассоциация, но отвергает совет, второго, напротив, поддерживает совет, но игнорирует ассоциация. Такое положение идеально устраивает телекомпании с их ненасытными аппетитами — ведь они могут с полным правом торговать двойным количеством «чемпионов мира». Состязания по боксу пользуются большой популярностью у телезрителей. И теперь телевидение может каждый уик-энд покупать право на трансляцию боя, в котором якобы ведется борьба за некий громкий титул.

Роковой бой, в котором погиб Ким, также был объявлен поединком за высшее звание в легком весе. В этой весовой категории, несомненно, есть гораздо более сильные боксеры, такие, например, как Говард Дэвис. Тем не менее стараниями ассоциации именно Ким загадочным образом оказался главным претендентом на первенство в легком весе. На основании этой весьма сомнительной классификации Киму было предоставлено право сражаться за высший титул, и компания Си-би-эс заплатила Эраму около 300 тысяч долларов за возможность транслировать поединок между Мансини и Кимом.

Теперь скажем несколько слов о Рэе Мансини — сопернике Кима в том трагическом поединке. Мансини — самый «дефицитный» и «дорогостоящий» товар в боксерском бизнесе, идеальная приманка для зрителей. Он единственный белый чемпион. Кроме того, чертовски симпатичен, обаятелен, ему всего лишь 21 год. И, что немаловажно, он действительно хороший боец.

Мансини связан с Бобом Эрамом долгосрочным кабальным договором, по которому Эраму принадлежит исключительное право на организацию всех состязаний с участием Мансини (и, естественно, он кровно заинтересован в том, чтобы Мансини сохранил звание чемпиона и продолжал побеждать во всех поединках: победитель — гораздо более «ходкий» товар, чем побежденный). Си-би-эс и другие средства массовой информации взяли на себя задачу превращения Мансини в спортивную звезду первой величины. Потому-то Эрам и стремился обеспечить для своего подопечного вполне безопасного противника, который не мог нанести никакого ущерба «лицу товара». Поскольку Ким много тренировался и страстно желал выиграть, сам бой выглядел в меру пристойно. Хотя Мансини побеждал почти во всех раундах и далеко опередил соперника по очкам, вся встреча, вплоть до своего трагического конца, проходила в яростной борьбе. А между тем Эрам уже подыскал для Мансини следующего безопасного противника по имени Кен Богнер, который, так же как и Ким, не входит в число сильнейших боксеров и отнюдь не заслужил права биться за чемпионский титул.

На следующий день после трагического избиения, когда мертвый Ким еще лежал в морге больницы Лас-Вегаса, Эрам торжественно призвал всех объявить в знак траура двухмесячный мораторий на состязания профессиональных боксеров. Он, однако, не упомянул об одной детали: о том, что на ближайшие два месяца у него не запланировано ни одного важного боя, тогда как «конкурирующая фирма» Дона Кинга наметила как раз на это время три крупных встречи.

Надо сказать, что у Эрама более приличная репутация, чем у Кинга. В конце концов, он все-таки бывший федеральный прокурор, а Кинг — бывший уголовник. Но в моральном плане они стоят друг друга. Бывший федеральный прокурор организовывал самые позорно-неравные, циничные бои за всю историю профессионального бокса. И совсем не случайно некоторые из устраиваемых им состязаний финансируются за счет денег, поступающих из игорных домов ЮАР.

Профессиональный бокс насквозь пронизан коррупцией. Прибыли от показа состязаний по телевидению достигают астрономических размеров. Поэтому еще с двадцатых годов этот вид спорта наводнен профессиональными вымогателями, шантажистами и жуликами. На распределение мест среди боксеров часто влияют соображения политического характера. Нередко жертвами несправедливости становятся боксеры негритянского и латиноамериканского происхождения. Так, например, Говард Дэвис — олимпийский чемпион 1976 года, боксер, на счету которого 21 победа и лишь одно поражение — в соответствии с классификацией ассоциации не входит даже в десятку сильнейших боксеров легкого веса. С другой стороны, многим слабым боксерам — особенно из Южной Кореи и ЮАР — неоднократно дается возможность оспаривать звание сильнейшего. Достигается это с помощью интриг и откровенного подкупа.

В профессиональном боксе не существует единого центра по регистрации достижений спортсменов и результатов встреч. Нет также никакого контролирующего органа, и даже подсчет очков во время поединков ведется чисто субъективно.

И тем не менее бокс сохраняет для тысяч людей неизъяснимую привлекательность. От настоящего, честного боя они получают такое же наслаждение, как от талантливой актерской игры, музыки или поэзии.

Недавно журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» опубликовал редакционную статью, предлагающую запретить бокс и сравнивающую его с публичным повешением. Мне, однако, кажется, что журнал весьма своеобразно трактует понятие насилия, так как он в то же время выступает против движения за замораживание ядерных вооружений. А я почему-то всегда считал, что ракеты МХ способны принести людям бóльший вред, чем честный поединок двух бойцов.

Вот об этом — о честности — и стоит говорить. Ассоциация и совет по боксу превратились в орудия вымогателей. Они существуют только за счет денег, получаемых от американских телекомпаний. Си-би-эс, Эн-би-си, Эй-би-си да еще несколько игорных домов — вот основные кредиторы боксерских состязаний. И происходит следующее: рекламодатели американского телевидения, в сущности, субсидируют ассоциацию и совет, а те, в свою очередь, слепо выполняют волю телекомпаний.

Сегодня среди тех, кто вершит судьбы профессионального бокса, нет «хороших парней» или «плохих парней». Все одинаково порочны.

Бокс совмещает в себе, казалось бы, несовместимое: взлет и падение человека, свет и тьму, веру и безверие. Потому что каждому позорному бою противостоит слава истинных боксеров. Каждое нечестное решение дельцов от спорта искупается доблестью и честью настоящих спортсменов. И на каждого Боба Эрама приходится хотя бы один мальчик из негритянского гетто, мечтающий когда-нибудь выйти на ринг...

Перевела с английского С. ФЕДОРИНА

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ "БИТЛЗ"

Хантер ДЭВИС,
английский писатель

«Мундогс»

Как вспоминает Джордж, за это время группа не сделала ни шагу вперед: «Я не могу припомнить, чтобы нам когда-нибудь заплатили. Мы играли на вечеринках у приятелей. Мы шли с гитарами по улице, нас приглашали, и мы пели. С нами рассчитывались кексами или бутербродами».

В складчину они приобрели простенькие усилители, и новый мощный бит уже совсем не походил на мягкий скиффл.

Они участвовали в бесконечном количестве конкурсов. «Однажды нас опередила какая-то женщина, игравшая на ложках. В другой раз нас обогнала группа, которая включила в состав лилипута»,— вспоминает Пол.

Состав группы постоянно менялся. На пианино играл один парень, которого звали Дафф. Но отец не позволял ему задерживаться допоздна, и иногда он убегал, не доиграв номера до конца. Для выступлений они обычно одевались по-ковбойски: брюки с бахромой, а вместо галстуков ботиночные шнурки.

Но гораздо больше времени, чем на сцене, они проводили дома у Джорджа или Пола. За эту пару лет Пол и Джон написали около полусотни песен. Первое, что они делали, взявшись за новую песню, был заголовок: «Еще одна песня Джона Леннона и Пола Маккартни».

Однажды в газете «Ливерпуль эхо» появилось объявление: мистер «Открыватель звезд» Кэролл Левис проводил первый тур в Ливерпуле, а потом вез его победителей в Манчестер. Джон, Джордж и Пол выдержали конкурс.

Миссис Харрисон помнит охватившее их возбуждение. «Джордж был как в лихорадке: пришло письмо, адресованное группе «Мундогс». Это имя они выбрали, направляясь на конкурс Кэролла Левиса. В те дни было принято, чтобы группа имела лидера, как «Клифф Ричард и «Шедоуз». Поэтому они назвали себя «Джонни и «Мундогс»: если уж нужен лидер, то им, конечно, был Джон».

В Манчестере они заслужили разумное количество аплодисментов. Программа строилась так, что после окончания музыканты вновь выходили на сцену и играли пару строк из своей песни. Кому больше аплодировали в этот второй раз, тот и становился победителем.

Но «Джонни и «Мундогс» были простыми ливерпульскими парнями, без собственных автомобилей. А на ночевку в отеле денег тоже не было. Чтобы попасть на последний поезд, им пришлось уйти, не дождавшись конца программы.

Стю, Шотландия и «Серебряные Битлз»

Стюарт Сатклифф послал несколько своих картин на выставку Джона Мурса (эта выставка считается одной из самых представительных в Британии). И студент художественного колледжа получил приз — 60 фунтов! В их представлении тогда это было целое состояние. Джон, лучший друг и самый авторитетный для Стю советчик, тут же изобрел способ потратить деньги: за 60 фунтов можно купить бас-гитару. Не важно, что Стю не умеет играть. Они его научат! На фотографиях тех времен видно, что Стю всегда стоял вполоборота к зрителям, чтобы никто не мог заметить, как слаба техника его игры.

Бум бит-музыки захватил Ливерпуль, повсюду стали открываться маленькие молодежные клубы. Однако в солидных клубах типа «Каверны» бит-группы никогда не играли. Там играли джазовые коллективы, а к бит-музыкантам относились свысока.

В это время в Лондоне вошел в моду Клифф Ричард, во всем подражавший Элвису Пресли. Джон, Джордж и Пол вспоминают, что Клиффа Ричарда и его группу «Шедоуз» они дружно ненавидели.

Пол носился по редакциям в надежде сделать хоть какую-то рекламу группе. Тщетно. Ну кто такие «Мундогс» (или, к примеру, «Рэйнбоуз», названия они себе чуть не каждый день придумывали новые)! Однажды Джон решил, что надо придумать название позаковыристей, может, хоть это выделит их из сонма подобных групп. Джон перебирал названия насекомых. «Однажды мне в голову пришла мысль о жуках (beetles). Я решил писать «beatles», чтобы подчеркнуть связь с бит-музыкой [1]». Такова подлинная история возникновения слова «Битлз», хотя потом на вопрос об этом они давали самые глупейшие ответы, например, что название подсказал прилетевший на ковре-самолете волшебник...

В конце 1959 года в Ливерпуль прибыл «король британского рок-н-ролла» менеджер Ларри Парнс. Он искал группу, способную аккомпанировать одному из его певцов. Пришла уйма народа. Ларри Парнс крутил носом — не то, не то, но все же предложил «Серебряным Битлз» (когда пришло время произнести свое имя, они решили, что «Битлз» слишком коротко и простовато) двухне-

---

Продолжение. Начало см. № 8 за 1983 год.

[1] *Термин «бит-музыка» происходит от английского «beat» — удар, ритм, размер.— Здесь и далее примеч. пер.*

дельную поездку с певцом Джонни Джентлом, своей последней находкой. Это было первое профессиональное предложение и первое настоящее турне!

Маршрут проходил по северо-восточному побережью Шотландии, они выступали в маленьких танцевальных залах. Пол послал домой открытку: «Все идет отлично. У меня попросили автограф».

Однако после Шотландии все вернулось на свои места. Ларри Парнс больше ничего не предложил. Теперь он согласен, что упустил редкий шанс, но тогда у него было достаточно популярных солистов, чтобы интересоваться еще и группами.

«Касбах», Пит Бест и Аллан Уильямс

Один из клубов, куда они частенько заглядывали в надежде на удачу, назывался «Касбах». У хозяйки клуба, миссис Бест, был сын по имени Пит. Он учился в Ливерпульском колледжиате, одной из солидных средних школ, и собирался стать преподавателем. От нечего делать Пит любил забавляться со старым военным барабаном, копируя игру бит-групп. В августе 1960 года ему неожиданно позвонил Пол Маккартни.

«Пол спросил, есть ли у меня ударная установка. А я как раз только что купил установку и очень гордился ею. Он сказал, что им предложили работу в Гамбурге. Не соглашусь ли я быть их барабанщиком? Я ответил: «Да!»

В Ливерпуле жил некий владелец ночных клубов Аллан Уильямс. В числе прочих у него был и клуб «Джакаранда», в котором играла группа музыкантов из Вест-Индии. Однажды туда зашли гамбургские моряки, музыканты им понравились, и слухи о том, какая отличная в Ливерпуле музыка, поползли по портовым гамбургским кабакам. Музыкантов из Вест-Индии пригласили в ФРГ. Аллан Уильямс отправился вслед: «Я убеждал гамбуржцев, что лучший британский рок — в Ливерпуле» (это было чистое вранье). На приманку клюнул владелец клуба «Кайзеркеллер» Бруно Кошмейдер.

Аллан Уильямс вернулся в Ливерпуль и стал подбирать группы. Это было летом, и все, кто получше, были уже заняты. Так дело дошло до «Битлз». Контракт был заключен на группу из пяти человек, а у «Битлз» не было барабанщика. С ними тогда играл мужчина средних лет, у него была семья, и жена категорически возражала против поездки. Тут-то и вспомнили про Пита.

Узнав о Гамбурге, родители «Битлз», естественно, особого восторга не изъявили, но все же их удалось уломать. Наибольшее сопротивление оказала Мими. Она запретила Полу и Джорджу показываться у нее, а Джону — играть дома на гитаре. Впрочем, с тех пор как началась эпоха «Кворримен», Джон вынужден был постоянно врать ей о том, как проводит свободное время. Мими знала, что он валяет дурака, сочиняя идиотские песенки, но она не предполагала, что это увлечение достигло таких масштабов... А Джон все твердил: «Я же буду получать сто фунтов в неделю! Разве это не здорово?» Наконец сдалась и Мими.

Гамбург

Когда «Битлз» с семнадцатилетним Джорджем прибыли в Гамбург, они завели себе первые сценические костюмы: вельветовые пиджачки (их сшил сосед Пола), страшно обуженные черные джинсы и белые рубашки с черными узкими галстучками. «Нас встретил Бруно Кошмейдер,— говорит Пит.— Он завел нас в «Кайзеркеллер». Место нам понравилось, и мы спросили, когда приступать к делу. Он ответил, что мы будем играть не здесь. Нас повели в другой клуб, «Индра». Он был гораздо меньше. Было 11.30 ночи, посетителей— всего два человека. Нам показали комнату для переодевания. Громко сказано: это был обыкновенный туалет. Расквартировали нас в служебных комнатах ближайшего кинотеатра».

«Спать мы ложились поздно,— вспоминает Джон,— а просыпались от шума в кинотеатре. Первые дни нас принимали довольно холодно. Потом менеджер сказал, что надо делать «настоящее шоу». И мы начали. Поначалу мы немного стеснялись, но наше происхождение обязывало нас поддерживать легенды о врожденной ливерпульской дерзости. И мы старались. Первым элементом «настоящего шоу», которым я овладел, были отчаянные прыжки по сцене. Однажды мы попробовали сыграть немецкую песню. Пол разучил популярное тогда «Деревянное сердце». На этом мы заработали определенный авторитет. В Ливерпуле мы выступали час, в Гамбурге нам приходилось играть по восемь часов подряд. Мы играли ужасно громко: гамбуржцы это любят».

«Когда пошли слухи о наших концертах,— вспоминает Пит,— в клубе стала собираться огромная толпа. Мы играли семь раз в неделю. Сначала до половины первого, а потом, с ростом нашего успеха, и до двух ночи».

Через два месяца «Индра» закрылась из-за жалоб соседей на чрезмерный шум. «Битлз» перешли в «Кайзеркеллер». Там работать приходилось еще больше. Вместе с ними выступала еще одна ливерпульская группа — «Рори Сторм и «Ураганы». По контракту каждая группа должна была играть шесть часов. На деле они торчали в клубе 12 часов в сутки. Удивительно, что такой образ жизни не отразился на их здоровье. Они никогда толком не ели и не спали. «Мы часто ссорились по пустякам,— вспоминает Джон,— потому что были измотаны и раздражены. Да и ссоры были все какие-то детские».

Но в целом отношения были теплыми и дружескими, как и с группой Рори Сторма. Барабанщик Рори Сторма почти все свободное от игры время проводил в клубе, слушая «Битлз» и посылая им записки с заявками.

«Я не мог смотреть на него,— говорит Джордж.— Торчащие дыбом серые космы вызывали у меня отвращение. Но этим противным типом оказался Ринго, самый лучший из нас».

У «Битлз» появились почитатели. Контракт неоднократно продлевали, они играли уже почти пять месяцев, и тут Джорджу заявили, что он должен покинуть Гамбург.

«Во всех клубах,— вспоминает Джордж,— каждый вечер начинался с объявления, что лица моложе восемнадцати лет должны уйти. Кто-то узнал, что мне только семнадцать и что у меня нет разрешения на работу и на проживание в ФРГ. Я должен был уехать. Один. Это было ужасно».

Потом на них обрушились новые неприятности: «Пол и я убирали наше жилище, кинотеатр «Бамби»,— вспоминает Пит Бест.— Было темно, и мы зажгли свет. Неожиданно что-то воспламенилось. Пожар был совсем незначительным, но нас продержали в полиции три часа, а затем выслали».

Каждый добирался до Англии как умел. Чтобы купить билет, Джону пришлось продать кое-что из одежды: «Ехать одному было страшновато. Усилитель я привязал за спину, потому что не заплатил за багаж и боялся, что его могут конфисковать».

Ливерпуль: «Каверна»

Джон приехал домой в полночь. Мими вспоминает: «Он был одет в какие-то страшные ковбойские ботинки до колен, разрисованные золотом и серебром. Он протиснулся в дверь и сказал: «Заплати за такси, Мими». Я только и смогла, что крикнуть ему: «А где же твои сто фунтов в неделю, Джон? И немедленно сними эти ужасные ботинки. Чтобы ты не смел выходить в них из дому!»

Джон провалялся дома целую неделю. Не из-за ботинок, конечно, а просто потому, что больше делать было нечего. Мысль о том, что «Битлз» никогда больше не соберутся вместе, не казалась ему такой уж нелепой.

Джордж сидел тихо, как мышка: «Мне было ужасно стыдно перед родителями: после всех великих проектов такой финал».

Пол сдался на уговоры отца и пошел работать: «Меня послали в фирму «Масси и Коггинз» наматывать электрические катушки. У меня ничего не получалось. Я мог сделать не больше полутора катушек в день, в то время как другие делали по восемь, а то и по четырнадцать. Я очень старался. В те дни я считал, что, если повкалывать как надо, моя карьера поползет вверх. И тут позвонил Джон: группа собирается снова. Я смывался через забор на дневные репетиции или прикидывался больным. В конце концов я бросил эти катушки».

Первое после Гамбурга выступление состоялось в «Касбахе». Они были встречены очень тепло, особенно Нилом Аспиналом, другом Пита Беста. Нил учился на бухгалтера. Он получал 10 фунтов в неделю, бесплатные талоны

на завтрак и, казалось, вполне мог сделать карьеру. «Пит писал из Гамбурга,— вспоминает Нил,— что группа пользуется большим успехом и им предлагают остаться еще на месяц и еще, и еще. Когда я услышал о приезде «Битлз», я нарисовал массу плакатов «Возвращение легендарных «Битлз»!» и расклеил по всему городу».

«В тот вечер,— вспоминает Джон,— мы впервые были на сцене самими собой. Мы обнаружили, что весьма популярны, и подумали, что довольно хорошо играем. В первый раз».

Пока они были в Гамбурге, успех Клиффа Ричарда возвел и «Шедоуз», аккомпанирующую ему группу, на вершину британской поп-музыки. Все копировали их до невозможности аккуратные пиджачки, отлично подобранные галстуки и до блеска начищенные туфли. На сцене они делали маленькие танцевальные шажки: три вперед, три назад. В их музыке, как и в поведении, все было точным, гладким и сдержанным.

«Битлз», напротив, играли дико и шумно, а на сцене выглядели неряхами и задирами. Они продолжали традиции того рок-н-ролла, который был в моде, когда они покидали Ливерпуль, но за эти полгода полностью сдал позиции. К тому же «Битлз» не просто рок-н-рольничали, а, добавив громкости и топота, «делали настоящее шоу». У них появился свой собственный стиль. Эта музыка или заставляла слушателей, заткнувши уши, спасаться бегством, или звала присоединиться к музыкантам в их буйном порыве. Безусловно, их способность электризовать публику сыграла большую роль. Звучание было новым и необычным, но не менее важно и то, что сами они были обыкновенными ливерпудлийцами из небогатых кварталов, не отполированными, не приукрашенными, не перемолотыми шоу-бизнесом.

Летом 1961 года в местной газете впервые появилась статья о шумихе вокруг выступлений «Битлз», задолго до того, как статьи о них стали в газетах таким же нормальным явлением, как сводки погоды:

«Как вы думаете, почему так популярна группа «Битлз»? Они возродили первоначальный рок-н-ролл, уходящий корнями в традиции американских негритянских певцов. Они ворвались на сцену, по которой слонялись изнеженные и обессиленные фигуры. Те пытались добиться популярности, изображая серую тоску. «Битлз» разнесли эту компанию в пух и прах. Они молоды, несогласны и как могут выражают свой протест. Бунт в ритме. Каждый номер их программы — кульминационный».

Они исполняют свои вокальные, а иногда и инструментальные партии каждый сам по себе, играют что кому вздумается. Но во всем этом есть и музыкальное мастерство, и личное обаяние. Удивителен диапазон голосов, тем не менее в обычном разговоре эти голоса звучат мило и наивно. На вид скромные ребята, уже не слишком уязвимые для насмешек, но еще не обросшие панцирем самовлюбленности. Настоящий феномен, но довольно сложный для антрепренеров случай. Это — фантастические «Битлз». Я думаю, подобное явление никогда не повторится».

В том году они уже могли бы зарабатывать побольше, но у них не было менеджера. К тому же встал вопрос о клубе, где они могли бы выступать регулярно и где поклонники могли бы встречаться с ними. Таким клубом стала «Каверна» (к тому времени бит-группы все же вытеснили из нее джазменов).

Раньше в помещении «Каверны» был винный погреб: зал темный и узкий, со сводчатым потолком. Вентиляции нет и сегодня, когда там ночной ресторан.

«Это была настоящая дыра,— вспоминает миссис Харрисон.— Дышать абсолютно нечем. Пот лил с них ручьями, иногда коротило усилители. Но они делали свое дело. Джон любил поорать на аудиторию, впрочем, как и все. Только Джордж молчал и выглядел неприступно. Девчонки спрашивали его, почему он такой серьезный. Обычно он отвечал: «Я лидер-гитарист. Если ошибутся другие, никто и не заметит, но мне ошибаться нельзя». Он очень серьезно относился к музыке».

Миссис Харрисон была за, Мими была против. Джим Маккартни учился относиться к увлечению сына спокойно.

Бег на месте: Ливерпуль и Гамбург

Они росли как музыканты, их поклонники расширяли свои ряды и становились все более фанатичными.

Они вновь посетили Гамбург и опять пользовались успехом (даже записали там пластинку «My Bonnie»). Но «Битлз» подобным успехом уже насытились по горло: казалось, они всю жизнь обречены играть только в двух городах. Никто больше ими не интересовался.

Стю Сатклифф решил остаться в Гамбурге, жениться и продолжать учиться живописи. Ему по-прежнему нравилась музыка «Битлз», но он чувствовал, что его призвание — живопись, а не бас-гитара. Пол играл на ней гораздо лучше. Стю остался их ближайшим другом, они с Джоном писали друг другу длинные письма.

Письма эти были полны шуток и забавных историй. Джон сообщал Стю все новости о группе, например, о клубе любителей «Битлз», открывающемся в Ливерпуле (у Рори Сторма уже был такой). Но вскоре в письмах засквозили разочарование и тоска. «Дела дрянь. Что-то должно произойти, но когда и где?»

Джон стал сочинять серьезные стихи, но оканчивались они обычно какой-нибудь ерундой. Он заполнял ими свои письма к Стю:

Не могу ни о чем вспоминать
Без тоски и печали в душе,
И печаль эта так глубока,
Что не вынести тяжести мне.
Вот течет по щеке слеза,
И она превращает меня
В потрясающего дурака.
И ищу я упорно ответ,
И пою: э-ге-гей, нет-нет-нет.

Письма Стю из Гамбурга тоже были теперь полны страдания. В конце 1961 года у него начались страшные головные боли. Он обращался к врачам, но ничего не помогало. В апреле 1962 года Стю умер от кровоизлияния в мозг.

По-видимому, Стю был талантливым художником. После смерти его картины демонстрировались на многих выставках Ливерпуля и Лондона. Его влияние признавали Джон и другие «Битлз». «Я преклонялся перед Стю,— говорит Джон.— Он все предвидел, даже наш с Полом сегодняшний день. Он говорил мне, что все будет хорошо, и я верил ему». Именно Стю создал их стиль причесок и одежды.

Смерть Стю совпала с самой низкой точкой периода полной безнадежности и депрессии.

Но незадолго до этого все же кое-что произошло. Это случилось, если быть точным, в три часа пополудни 28 октября 1961 года. Молодой человек по имени Раймонд Джонс зашел в ливерпульский магазин грампластинок NEMS и попросил пластинку «My Bonnie» группы «Битлз». Стоявший за прилавком Брайан Эпштейн ответил, что очень сожалеет, он никогда не слыхал о такой пластинке, равно как и о группе под названием «Битлз».

Брайан Эпштейн

Богатство семье Эпштейнов принес дедушка. Это он открыл в Ливерпуле в начале века мебельный магазин, семейное предприятие росло, и позже к нему прибавился магазин NEMS [1]. Старший внук Брайан должен был унаследовать дело. Но еще в школе Брайан понял, что его влечет к творчеству. У него были актерские задатки, он хорошо рисовал и некоторое время метался между желанием стать актером или художником-дизайнером. Родители, естественно, были против и того и другого. Брайан не выдержал натиска, и 10 сентября 1950 года худенький, розовощекий, курчавый юноша заступил на вахту в семейном магазине. Он стал продавцом мебели. В конце концов ему даже понравилась эта работа. Отец радовался, что сын успокоился и решил посвятить себя бизнесу.

Потом Брайана призвали в армию. «Солдат я был никудышный. В своем призыве я единственный среди выпускников закрытой частной школы не дослужился до офицерского звания».

Он вернулся в семейный магазин, но жажда творчества мучила его, и Брайан поступил в Королевскую академию драматического искусства. Ему было двадцать два года. И вновь родители всполошились, и вновь Брайан проявил слабость. Отец, чтобы утихомирить

[1] NEMS *расшифровывается как «North-End musical store» — Северный музыкальный магазин.*

сына, сделал его заведующим отделом грампластинок NEMS.

Дела пошли так хорошо, что вскоре было принято решение открыть еще один магазин. Брайан не без оснований хвастал, что он обладает «самой лучшей коллекцией пластинок на всем севере Англии». Именно так было написано в объявлении 31 августа 1961 года в газете «Мерси бит», через месяц после выхода в свет первого номера этого музыкального издания. Брайан стал вести в газете раздел «Новинки грамзаписи». В первой статье он объявил, что популярность «Шедоуз» постоянно растет (это вызвало у наших «Битлз» приступ бешенства).

Но вскоре Брайану Эпштейну стало скучно: в Ливерпуле у него практически не осталось конкурентов. 27 лет. Несостоявшийся художник и преуспевающий продавец мебели, несостоявшийся офицер и преуспевающий продавец пластинок, несостоявшийся актер и преуспевающий хозяин двух музыкальных магазинов. И тогда 28 октября 1961 года к нему в магазин пришел покупатель и попросил пластинку «Битлз».

Брайан и «Битлз»

«Владелец самой лучшей коллекции» признал, что никогда не слышал о группе «Битлз». Его профессиональная честь была задета. Поэтому Брайан записал: «My Bonnie», «Битлз». Выполнить к понедельнику».

Покупатель уточнил, что пластинка выпущена в ФРГ. Брайан обзвонил агентов, связанных с импортом пластинок, но никто о такой даже не слышал. Он навел справки и, к своему полнейшему изумлению, узнал, что «Битлз» — британская группа, более того, ливерпульская. Он спросил о «Битлз» у покупателей — оказалось, группа среди них поистине легендарна. И, самое удивительное, «Битлз» чуть ли не завсегдатаи его магазина, и он сам не раз видел их.

Брайан решил пойти в «Каверну». «Там было темно, сыро и душно, и я тут же пожалел о своем решении. Грохот стоял ужасный. Усилители извергали преимущественно американские боевики.

Потом на сцене появились «Битлз». Они выглядели не слишком аккуратно, болтали между собой, иногда поворачивались спиной к зрителям, хохотали над собственными шутками.

Но все это отступало перед будоражащим действием, которое они оказывали на публику. Казалось, они обладают каким-то особым магнетизмом. Я был просто зачарован ими».

Брайан не сразу разобрался в своем отношении к «Битлз». «Через несколько недель я обнаружил, что прихожу в «Каверну» снова и снова, что я расспрашиваю знакомых, что значит быть менеджером группы. В чем состоят его функции? Какие контракты заключаются между ним и группой? Я думаю, продажа пластинок мне порядком надоела. Проклевывалось новое хобби».

3 декабря 1961 года Брайан пригласил «Битлз» к себе в магазин. Он сказал им, что это всего лишь предварительная беседа и что у него пока нет никаких планов.

«Он выглядел эффектно и богато, это все, что я помню»,— говорит Джон. Джордж вспоминает, что он казался «большим человеком». На Пола самое сильное впечатление произвел его автомобиль.

Контракт был подписан. Брайан решил организовать новую компанию, чтобы вести дела «Битлз», и назвал ее «NEMS Enterprises», в честь фамильного магазина.

В Ливерпуль приехал Питер Экхорн из гамбургского клуба «Горячая десятка»: «Битлз» обещали выступать у него, когда были в Гамбурге. Теперь предстояло обсудить детали, но тут выяснилось, что у этих мальчишек появился собственный менеджер! «Брайан требовал гораздо больше, чем я мог предложить»,— говорит Питер Экхорн.

Вскоре «Битлз» получили еще приглашения из Гамбурга. На этот раз условия были подходящие, и Брайан остановился на клубе «Звезда», лучшем в Гамбурге.

Брайан решил привести «Битлз» в порядок: каждый из них должен был точно знать, когда и где они будут выступать. «Брайан аккуратно записывал все свои инструкции на специальных бланках, и это выглядело очень убедительно»,— говорит Джон. К инструкциям Брайан добавлял маленькие нравоучения о необходимости хорошо выглядеть, аккуратно одеваться, не жевать резинку на сцене. «Брайан пытался отмыть нас,— говорит Джон.— Он утверждал, что у нас неподходящий вид, что нас никогда не пустят даже на порог приличного дома».

Изменения происходили с чудовищной быстротой. Позднее Джон вернулся к своей прежней манере поведения, потому что все эти перемены не соответствовали духу группы и в особенности его духу. Но в то время это был единственный путь наверх. «Брайан считал, что мы, если хотим добиться успеха, должны понравиться репортерам. Они относились к нам с откровенной издевкой, показывая всю степень своего снисхождения. Но мы играли свои роли снова и снова. Мы были ужасно двуличными в то время».

Брайан нанес визиты родителям своих подопечных. Те были заворожены его манерами. И только Мими, как всегда, сомневалась, хотя, казалось бы, именно ее Брайан должен был поразить как фигура, абсолютно несовместимая с ее представлением о бит-музыке.

«Декка» и прочие

Брайан Эпштейн, используя свои связи владельца «лучшего на севере Англии магазина грампластинок», прилагал максимум усилий, чтобы заинтересовать фирмы грамзаписи. Наконец он договорился в Лондоне с «Деккой». Брайан отправился на поезде, а ребята поехали с Нилом Аспиналом, который арендовал большой автофургон: «Мы добрались до Лондона к десяти вечера. Ужасно хотелось есть. Мы ввалились куда-то, ну прямо шайка оборванцев, и уселись за столик. Нам сказали, что тарелка супа стоит шесть шиллингов, а мы ответили, что это, вероятно, шутка. Тогда нам предложили уйти, что и пришлось сделать».

Запись состоялась. «Продюсер уверял, что все получилось отлично,— говорит Пит Бест.— Мы решили, что настал наш час». Через три месяца, в марте 1962 года, Брайан узнал, что «Декка» решила пластинку не делать: им не понравилось звучание. Начались долгие хождения по всем крупнейшим фирмам звукозаписи. «Пай», «Коламбия», HM, EMI отказывали одна за другой.

Еще в декабре 1961 года газета «Мерси бит» провела среди читателей опрос о лучшей группе. У Пола еще и сегодня можно, наверно, найти несколько экземпляров газеты с вырезанными анкетами для посылки в редакцию. Они заполнили их добрую сотню, поставив везде «Битлз» на первое место, а своих конкурентов «Джерри и «Лидеров» на последнее. Все группы голосовали за себя, и это не считалось мошенничеством. В результате «Битлз» стали бесспорными победителями.

В апреле 1962 года они в третий раз отправились в Гамбург. Брайан остался в Англии и продолжал тыкаться в фирмы грамзаписи. Через знакомых он вышел на звукоинженера фирмы «Парлофон» Джорджа Мартина («Парлофон» был дочерним предприятием EMI, а EMI уже однажды отвергла «Битлз»). Джорджу Мартину запись понравилась, и он решил пригласить «Битлз» на прослушивание. Брайан помчался в ближайшее почтовое отделение.

«Мы еще лежали в постели,— вспоминает Пит Бест.— Каждый день кто-нибудь вставал первым и приносил почту. В тот день Джордж принес телеграмму: «Поздравления, ребята! EMI предложила встречу. Готовьте новый материал».

Джон и Пол начали тут же сочинять новые песни. Потом мы отправились погулять. Джордж планировал предстоящие расходы: он собирался купить дом с плавательным бассейном и автобус для отца, потому что отец был водителем автобуса».

Прослушивание состоялось 6 июня. Они сыграли несколько своих собственных композиций — «Love me do» («Люби же меня»), «P. S. I love you» («P. S. Я люблю»), «Ask me why» («Спроси меня, почему») и «Hello, little girl» («Привет, малышка»), но также и популярные мелодии вроде «Бэсамэ мучо». Джордж Мартин остался вполне доволен.

Но на этом все и кончилось.

Продолжение следует

Перевели с английского
Л. ЛОЗНЕР и Б. НАЛИБОЦКИЙ

Глава 6

Стемнело.

Человек двести горожан толпились около муниципалитета в ожидании новостей. Хэвиленд сидел за столом и глядел на телефонный аппарат. Наконец он вышел в холл, к репортерам и, к неудовольствию остальных, пригласил к себе Левиса Хоуга, издателя и редактора местной газеты «Кантри пресс».

— У меня есть несколько вопросов... Во-первых, расскажите мне о Гормане.

— Джо? Тут много не расскажешь,— Хоуг хмыкнул.— Что вы хотите о нем знать?

— Все.

Хоуг откинулся в кресле и раскурил трубку.

— Горманы приехали в Клейтон пятьдесят лет назад. Тогда каменоломни расширялись, и хозяевам пришлось набирать рабочую силу на стороне. Они предпочитали ирландцев из Бостона. Майк Горман был одним из них. Много работал, много пил, дрался, бегал за юбками. По субботам местную тюрьму заполняли пьяные рабочие каменоломен. Майк часто коротал там уик-энды. Он женился на местной девушке. У них родилось семеро детей. Джо, единственный сын, появился на свет последним. Дочери вышли замуж, в Клейтоне, правда, осталась только одна. Джо пошел в отца, крепкий, хорошо сложенный парень. Тоже работал в каменоломнях, а по выходным пьянствовал. В городе его любили, но старались не выпускать дочерей из дому, когда Джо показывался на горизонте. Но вот он женился на Этель Маккормик, дочери одного из друзей Майка, и полностью изменил образ жизни. Оставил каменоломни, раздобыл где-то денег и купил свое заведение. В одну ночь он стал уважаемым семейным человеком. У них родился Питер.

— Горман по-прежнему пьет?

— Только по праздникам и не больше пары стопок.

— Идеальный семьянин?

— Это точно. Ресторан открыт семь дней в неделю, и он позволяет себе оставить его на жену только на один-два дня во время охотничьего сезона. Джо любит охоту и рыбную ловлю.

— Значит, он хорошо знает окрестности?

— Несомненно.

— Ему бы не понадобилась карта, если бы похитители велели отвезти деньги в какую-то отдаленную сторожку?

Глаза Хоуга широко раскрылись.

— Вы совершенно правы.

— Значит, они не случайно выбрали Джо?

— Выходит, что так...

В начале восьмого в кабинет Хэвиленда вошел Карл Диклер.

— Они позвонили мне. Я должен отвезти деньги.

— Куда?

— Об этом я никому не скажу.

Продолжение. Начало см. в № 7 и 8 за 1983 год.

Рис. Н. БЕНУА

День, когда исчезли дети

Хью ПЕНТИКОСТ, американский писатель

Повесть

— Перестань, Карл.

— В противном случае они обещали прислать мне ухо Дороти или ее палец с кольцом.

— О боже,— пробормотал Мейсон.

— Ваша дочь носила кольцо? — спросил Хэвиленд.

— Школьное кольцо. Их носят все девочки. У них что-то вроде клуба. Вы должны дать мне деньги, и не пытайтесь следить за мной.

— Следить за вами мы не будем, но должны знать, что вы собираетесь делать,— сказал Хэвиленд.

Диклер упрямо покачал головой.

— Я собираюсь в точности выполнить их инструкции. Мои дети в их руках. Прошу вас, Хэвиленд, это наш единственный шанс. Последний, как сказали они.

— Как вы с ними свяжетесь?

— Я должен привезти деньги в определенное место и оставить их там. Мне пора ехать. Я должен привезти деньги в восемь вечера.

«До восьми часов еще сорок минут,— думал Хэвиленд.— Двадцать пять, тридцать миль». От холодного ночного ветра дребезжали стекла.

— Дайте ему чемодан,— сказал детектив.— Где ваша машина?

— На стоянке. Я не хотел, чтобы кто-нибудь заметил мой отъезд.

Девять часов.

Диклеру пора вернуться, думал Хэвиленд. Сорок минут туда, сорок обратно. Мог бы и позвонить.

Десять часов.

В кабинете царило уныние. Хэвиленд ходил из угла в угол.

— Что-то пошло не по сценарию,— прервал молчание Мейсон.

— Возможно, ему обещали вернуть детей, и он ждет, пока их привезут.

— Вы думаете, что он виделся с похитителями?

— Они могли оставить ему записку, в которой запретили связываться с нами до того, как он получит детей.

— Вы в это не верите, не так ли? — пробурчал Мейсон.

— Нет,— тяжело вздохнул Хэвиленд.

— Тогда чего же мы ждем! — взорвался Телицки.

— Дадим им еще час, а потом начнем искать Диклера.

В половине двенадцатого Хэвиленд приказал начать поиски. Как только патрульные машины отъехали от муниципалитета, он сам поехал к Джозефине Диклер.

— Мы ожидали, что ваш муж свяжется с нами раньше.— Хэвиленд взглянул на часы, стрелки которых приближались к полуночи.— Мы думаем, что, отдав деньги, он получил какие-то новые инструкции. Возможно, он не рискнул звонить нам, не убедившись, что дети в безопасности.

— Он сказал, что ему не надо далеко ехать.

— Дети могли находиться совсем в другом месте.

— О господи,— Джозефина едва сдерживала слезы.

— Ваш муж хорошо знает окрестности?

— Он здесь родился и вырос.

— Он охотится? Увлекается рыбной ловлей?

— Каждый год во время сезона. А что?

— Мы думаем, что в похищении замешан кто-то из местных жителей, миссис Диклер. В первый раз они выбрали Гормана, который охотится и ловит рыбу. Второй раз — вашего мужа.

— Я не понимаю, какое отношение к похищению имеют охота и рыбная ловля...

— Это моя догадка. Похитители не решатся забрать деньги там, где много народу. И детей они спрятали в укромном месте. Они не сказали Горману, куда везти деньги, потому что заметили нашу слежку. Теперь же, не доверяя Горману, они выбрали другого, тоже знакомого с окрестностями Клейтона. Вероятно, один из похитителей тоже хорошо знает эти места. Сторожки в лесу, пещеры.

— Джерри Махони каждый год охотился с Карлом,— сказала Джозефина Диклер.— Он облазил все окрестности, мистер Хэвиленд. Он знает, где можно

спрятать детей. Покарай его бог, если он причастен к этому!

— Ну, будем надеяться, что ваш муж сейчас едет за детьми.

— Он уже должен вернуться, не правда ли, мистер Хэвиленд? Когда вы начнете искать Карла?

Хэвиленд переступил с ноги на ногу.

— Мы уже начали поиски. Патрульные машины двадцать минут назад выехали из Клейтона.

Глава 7

Час ночи.

Пибоди принес в кабинет рацию, чтобы следить за движением патрульных машин.

Лишь в два двадцать пять на дороге № 4 патрульный обнаружил «шевроле» Диклера. Машина стояла на обочине дороги, ведущей к двум маленьким коттеджам.

— Похоже, что он оставил машину и ушел в лес,— доложил патрульный.— Но дует сильный ветер, и следов практически нет.

— Вы сказали, что там два коттеджа. Вы говорили с жителями?

— Один закрыт на зиму, а в другом живут старики Вендаллы. Они ничего не видели и не слышали.

— Сообщите точное местонахождение машины Диклера.

— Примерно в пятнадцати милях от Клейтона. Надо проехать мастерскую Купермана, и еще метров через восемьсот будет поворот направо.

— Мы выезжаем немедленно. Осмотрите лес. Может, вы найдете след Диклера.

Хэвиленд набрал номер Гормана. Тот снял трубку после первого звонка. Детектив быстро ввел его в курс дела.

— Что там может быть, Джо? Вы знаете эти места. Охотничья хижина, пещера?

— Дайте подумать. Кажется, там есть старая соковарня, примерно в миле от шоссе.

— Соковарня?

— Это же кленовые леса. Весной там собирают кленовый сок и варят сироп.

— Вы можете отвести нас туда?

— Конечно. Вы думаете, Карл шел к соковарне?

— Если только вам неизвестно другое место. Приезжайте к муниципалитету как можно быстрее.

В три часа ночи Хэвиленд и Джо Горман подъехали к машине Диклера. Их ждал патрульный Торнтон. Он доложил, что трое его коллег пытаются найти след Диклера, пока, правда, безрезультатно, а он держит с ними связь по рации.

— Горман отведет нас к соковарне. Диклер, возможно, шел туда.

Горман пошел первым, Хэвиленд и Торнтон — за ним. Вскоре подошли Телицки и еще двое патрульных.

— Вот и она,— сказал наконец Горман.

Сердце Хэвиленда билось как паровой молот. Слева от лачуги лежало чье-то тело, чуть припорошенное снегом.

Горман и Торнтон пробежали последние метры и опустились на колени.

— Это Карл,— прохрипел Горман. Лицо Диклера превратилось в кровавое месиво, руки были ободраны и тоже покрыты кровью.

— Кажется, им тоже досталось,— сказал кто-то.

В нескольких футах от тела валялась окровавленная дубинка: кто-то из похитителей бросил орудие убийства. По мнению Телицки, на Диклера напали двое или трое.

Хэвиленд, стиснув зубы, смотрел на безжизненное тело, стараясь понять, что же произошло. Диклеру велели принести чемодан с деньгами к соковарне. Его ждали трое в масках. Диклер отдал чемодан и спросил про детей. И тут узнал кого-то из похитителей. По куртке, шарфу, ботинкам, брошенному слову. И назвал похитителя по имени. После этого они не могли не убить его.

Впрочем, все могло быть и по-другому. Ему велели оставить чемодан в соковарне и уходить. Но он остался, спрятавшись за деревьями. А когда похитители пришли за выкупом, выскочил из укрытия, требуя возвращения детей. Возможно, они были без масок. И Диклеру пришлось умереть.

Тело Диклера положили на сани, найденные в соковарне, и повезли к шоссе. Их уже ждала «Скорая помощь», вызванная по рации. Теперь никто не сомневался в справедливости догадки Хэвиленда. Кто-то из местных жителей похитил детей и убил Карла Диклера.

В четыре утра «Скорая помощь» увезла тело Диклера на вскрытие в больницу Лейквью. Патрульная машина с Телицки и Хэвилендом помчалась в Клейтон.

— Я вспомнил, что год назад охотники устроили пикник в этой соковарне! — прокричал Телицки, перекрывая вой сирены.— И знаете, кто жарил мясо?

— Можете не говорить, я догадываюсь,— вздохнул Хэвиленд.— Джерри Махони?

— Точно. Джерри знает эти места как свои пять пальцев.

— Если он причастен к похищению, то детей уже нет в живых. Он не может позволить себе отпустить их. Я думаю, я надеюсь, что вы ошибаетесь, Телицки. Тогда у нас есть шанс найти детей.

— Я тоже хотел бы верить в Санта-Клауса,— ответил патрульный.

Как только Хэвиленд вышел из машины, его окружили горожане.

— Вы все знаете, что случилось с Карлом Диклером,— толпа сердито загудела.— Я хочу сказать вам следующее. Выкуп передан. Пока нет ни единого намека на то, что детям причинен вред. Я полагаю, что скоро похитители сообщат нам, где найти детей. Если нет, дети с помощью Джерри Махони сами доберутся до Клейтона.

— Джерри унес с собой деньги! — крикнул кто-то.— Наши дети не получат помощи от Махони!

— Я по-прежнему надеюсь на лучшее,— сказал Хэвиленд и прошел в муниципалитет.

Многочисленные репортеры последовали за ним, на ходу выкрикивая вопросы. Подойдя к столу, Хэвиленд поднял руку, призывая к молчанию:

— Через несколько минут я отвечу на ваши вопросы. А сейчас мне надо отдать кое-какие распоряжения. Если вы будете вести себя тихо, можете остаться. А не то я прикажу очистить кабинет.

Шум мгновенно стих, и Хэвиленд повернулся к побледневшему шерифу Пибоди. Карл Диклер был его близким другом.

— Сколько людей живет в Клейтоне?

— Приблизительно две с половиной тысячи.

— То есть порядка семисот семей?

— Да.

— Я хочу, чтоб вы проверили каждую семью. Сколько полицейских и помощников в вашем распоряжении?

— Человек двадцать. А что проверять?

— Кто уехал из города и куда. Кто не ночевал дома этой и прошлой ночью.

— Мне потребуется два дня.

— Вы должны успеть до полудня.

— Это невозможно.

— К полудню мне нужна полная информация,— отрезал Хэвиленд и взглянул на репортеров.— Теперь ваша очередь.

Все заговорили разом, и он вновь поднял руку:

— Сначала позвольте рассказать, что нам известно. Похитители выбрали Гормана и Диклера, потому что они охотники и хорошо знают окрестности Клейтона. Отсюда следует, что кто-то из похитителей также знаком со здешними местами. По нашему мнению, Диклера убили потому, что он узнал людей, пришедших за выкупом. Я убежден, что их было двое или трое. Я попросил шерифа проверить каждую семью, так как считаю, что похитители остались в городе. Уехав сейчас, они с головой выдали бы себя. Скорее всего они затаятся до тех пор, пока мы не найдем детей и жизнь не войдет в привычную колею.

— Вы верите, что дети живы и здоровы? — спросил Мерсер, корреспондент «Интернэшнл ньюс».

— Я хочу в это верить, мистер Мерсер. У меня нет доказательств, что им причинен вред. Итак, леди и джентльмены, я рассказал вам все, что знаю. Когда рассветет, мы еще раз осмотрим соковарню. Возможно, нам сообщат, где находятся дети. А теперь прошу меня извинить, у меня много дел.

— Один последний вопрос! — воскликнул Мерсер.

— Говорите.

— Вы пометили деньги, отданные похитителям?

Хэвиленд нахмурился.

— Мистер Мерсер, я бы не хотел, чтобы пресса своими намеками нервировала похитителей.

В этот момент в кабинет, расталкивая репортеров, ворвался Телицки.

— Там творится черт знает что! — прокричал он.— Люди бросают камни в окна Пата Махони!

Глава 8

И вновь вой полицейской сирены разорвал ночную тьму. Толпа неохотно расступилась перед патрульной машиной. У двери дома Пата Махони стояли двое полицейских.

— Выйди и скажи нам, где дети! — кричали вокруг.

Раздался звук разбитого стекла, и Хэвиленд увидел, как радостно запрыгал мальчик лет двенадцати.

Хэвиленд и Телицки подошли к крыльцу.

— Гранинджер стоит у черного хода,— доложил один из полицейских.— Они нас сметут. Что будем делать?

— В дом никого не пускать,— ответил Хэвиленд и, открыв незапертую дверь, прошел в гостиную.

Пат сидел в том же кресле, прижав зеленый, в пятнах крови платок к левому виску. Увидев Хэвиленда, он улыбнулся.

— Первый булыжник разбил окно, и осколок отлетел мне в голову. После этого я опустил жалюзи,— ярко-голубые глаза затуманились.— Я слышал о Диклере. О Джерри никаких сведений?

— Так же, как и о детях.

— Я не понимаю, почему они решили, что это Джерри.

— Им больше некого подозревать, мистер Махони. Нервы горожан на пределе. Детей нет, а теперь еще и Диклера забили до смерти. Они должны найти виноватого. А так как ваш сын неизвестно где, их ненависть выплескивается на вас.

— На сцене в меня бросали и гнилые помидоры, и тухлые яйца, но камни — первый раз.

— Если хотите, мы можем отвезти вас в муниципалитет. К сожалению, я не могу оставить полицейских у вашего дома. Они нужны мне в другом месте.

— Я не могу уйти. Освободившись, Джерри сразу же позвонит мне. Он знает, как я волнуюсь. Я хочу, чтобы он застал меня дома.

— Мы постараемся разогнать толпу.

— Я смогу постоять за себя.— Пат взглянул на Хэвиленда.— Когда вы в прошлый раз приходили ко мне, я рассказывал про Великого Тарстона?

— Да, мистер Махони.

— Ну конечно, я вспомнил. Я упомянул об этом, потому что фокус еще не кончился. Вы видели только кролика, мистер Хэвиленд.

— Кролика?

— Великий Тарстон выходил на сцену в высоком шелковом цилиндре и в черном плаще с алой подкладкой. Он снимал цилиндр, делал какое-то движение рукой и вынимал из него большого белого кролика. Как ему хлопали! Кролик не мог сидеть в цилиндре, когда фокусник выходил на сцену, и тем не менее Великий Тарстон доставал его, держа за уши. А потом из цилиндра появлялись яркие шарфы, яблоки, апельсины, лимоны, маски, веера и прочее, прочее, прочее... Он все складывал на стол, а когда места не хватало, вещи скатывались на пол. И, наконец, Тарстон доставал болонку. Каждый раз, когда перед зрителями появлялся новый предмет, они думали, что фокус закончен, но Великий Тарстон вновь запускал руку в цилиндр. Вот я и говорю, что вы видели только кролика, мистер Хэвиленд. Вы меня понимаете?

— Нет,— покачал головой детектив.

— Я хочу сказать, то, что вы видели, всего лишь кролик. Держу пари, вас еще ждут и шарфы, и фрукты, и болонка.

— А как согласуется с вашим фокусом убийство Карла Диклера? — угрюмо спросил Хэвиленд.

Старик задумался.

— Вы когда-нибудь видели хорошего жонглера? Был такой артист, Джеко Великолепный, как он себя называл. Он жонглировал одновременно шестью гирями. Так вот, иногда, очень редко, он ронял одну гирю. Это происходило случайно. Я думаю, то же самое произошло и с Карлом Диклером. Его смерть не имеет отношения к фокусу. Но, как говорится, поживем — увидим.

Хэвиленду неожиданно помог преподобный Джон Остуд, евангелический священник Клейтона. Он направлялся к Джозефине Диклер и, проходя мимо дома Пата Махони, несколькими фразами пристыдил толпу. «Вам,— кричал он, кипя от негодования,— следует сидеть дома и молиться за спасение детей! Где ваше уважение к горю ближнего?» И вскоре возле дома Махони не осталось ни души.

Хэвиленд вернулся в муниципалитет. От усталости он едва стоял на ногах. Шериф Пибоди доложил, что его двадцать восемь помощников и трое полицейских уже прочесывают дом за домом. Хэвиленд кивнул и прилег на кушетку, стоящую в углу. Перед тем как заснуть, он вспомнил слова Пата Махони о том, что они видели только кролика...

Казалось, прошло лишь несколько минут, прежде чем кто-то потряс его за плечо. В действительности Рональд Пибоди не беспокоил Хэвиленда целых два часа.

— Вернулся Мейсон,— сказал шериф.— Он кое-что нашел. Горячий кофе в соседней комнате.

Хэвиленд кивнул, встал и, сев за стол, попросил позвать Мейсона.

— Мы нашли несколько четких следов мужского ботинка на пористой подошве,— доложил тот.— Я снял с них слепки, но что мне с ними делать? Подходить к каждому и примерять, как башмачок Золушки?

— Возможно, придется заняться и этим,— ответил Хэвиленд.

В кабинет вошел патрульный Торнтон.

— Я хочу позвонить жене,— сказал он, направляясь к телефону.

— Как идут дела? — спросил Пибоди.

— Пока ничего интересного.— После возвращения в Клейтон он по приказу шерифа проверял семьи города.— Если не считать того, что я чувствовал себя круглым дураком, придя к Нельсону Крайдеру, но вы же требовали, чтобы мы осмотрели каждый дом. Элли? Это я. Одному богу известно, когда я приду домой... Да, работы по горло... Нет, мы не знаем, где дети.— Он повернулся к ним спиной и продолжал разговор, понизив голос.

— Кто такой Нельсон Крайдер? — спросил Хэвиленд.

— Самый богатый человек в городе,— ответил шериф.— Один из тех, кто внес деньги на выкуп. Высокий мужчина с седыми волосами. Вы его видели.

Хэвиленд кивнул. Он уже перестал запоминать имена.

Торнтон положил трубку.

— Крайдер воспринял мой приход как шутку. Дома были его сын, Дейв, и племянник, Эллиот. Они ответили на все мои вопросы. У Дейва под глазом здоровенный синяк и лицо исцарапано: упал, когда катался на горных лыжах. Ну, пожалуй, я пойду.

Торнтон направился к двери, но Хэвиленд задержал его.

— Сколько лет братьям Крайдер? — спросил он.

— Эллиот в колледже, а Дейв на последнем курсе университета. А что?

— Где он катался на лыжах?

— На Северной горе. Там есть подъемник.

— Немедленно проверьте, упал ли Дейв Крайдер во время спуска. Найдите свидетелей, которые подтвердят, что падение действительно имело место.

— Что значит имело место? — спросил Торнтон.— Я же видел синяк и царапины на его лице.

Когда Хэвиленд прикуривал, его руки дрожали.

— Убийцы Карла Диклера тоже получили свое. В городе должны быть люди со следами его ударов.

Наступившее молчание прервал смех Торнтона.

— Сын Крайдера? Вы сошли с ума, мистер Хэвиленд.

— Надо быть сумасшедшим, чтобы не проверить эту версию.— Детектив повернулся к Пибоди: — Позвоните на Северную гору и узнайте, где и когда упал Дейв Крайдер.

Шериф позвонил и задал несколько вопросов. Когда он клал трубку, его лицо пошло красными пятнами.

— В последние дни Дейв Крайдер там не появлялся.

Хэвиленд встал.

— Где слепок со следа, Мейсон?

— В моей машине.

— Мне кажется, нам пора поговорить с Дейвом Крайдером.

— Поехали.— Мейсон пошел к двери.

— Это не более чем совпадение,— пожал плечами Торнтон.— Крайдеры!

— Я перестал верить в совпадения с тех пор, как стал полицейским,— ответил Хэвиленд.— И это было давно.

Красивый белый особняк Крайдеров стоял на вершине холма в южной части города. Когда Хэвиленд и Мейсон подъехали к парадному входу, Нельсон Крайдер как раз садился в машину.

— Мистер Хэвиленд? — удивился он.— Что привело вас сюда? Вы что-то узнали о детях?

— Нет.

— Они снова просят деньги? Я...

— Нет, нет, мистер Крайдер. Мы приехали, чтобы поговорить с вашим сыном.

— Дейвом? Зачем он вам понадобился?

— Мы думаем, что он поможет нам найти ответы на некоторые вопросы,— вмешался Мейсон. Под мышкой он держал небольшой сверток.

— Как я понял, он неудачно упал, катаясь на горных лыжах? — продолжал Хэвиленд.

Крайдер рассмеялся:

— Да, разукрасил себе физиономию.

— Это случилось на Северной горе?

— Мы ездим туда довольно часто. Моя жена тоже хорошая лыжница.

— Вы были с ним, когда он упал?

— Нет. Вчера он поехал туда один. В такое время я не мог уехать из города.

— Мы хотели бы поговорить с ним.

— Пожалуйста,— улыбнулся Крайдер.— Проходите в дом. Но к чему такая таинственность? Чем Дейв может вам помочь?

Они прошли в холл.

— Дейв, ты наверху? — крикнул Нельсон Крайдер, подходя к лестнице.

— Да, папа.

— Спустись, пожалуйста.

Дэвид сбежал по ступенькам. Если бы не свежий синяк и многочисленные царапины, его можно было бы назвать красивым.

— Это мистер Хэвиленд, он руководит поисками детей,— сказал Нельсон Крайдер.— И сержант Мейсон.

— Привет,— улыбнулся Дэвид.

— Можно подумать, что вы побывали в мясорубке.— Хэвиленд попытался улыбнуться, но губы не слушались.

— Зацепился лыжей за лыжу на крутом участке.

— Вчера?

— Да.

— На Северной горе? Так сказал ваш отец.

— Да, там.

Взгляд Хэвиленда упал на брюки Дейва, заправленные в высокие сапоги на толстой пористой подошве.

— Вчера вас не было на Северной горе,— сказал детектив.— Мы это проверили.

— Эй, что это значит? — воскликнул Нельсон Крайдер.

— Если вам нетрудно, снимите правый сапог,— попросил Мейсон.

Улыбка застыла на лице юноши.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Я хочу, чтобы вы сняли правый сапог,— повторил Мейсон.

— Одну минуту, джентльмены,— вмешался старший Крайдер.— Я чувствую, что мы начинаем говорить на разных языках. Если Дейв сказал, что катался на лыжах, значит, он катался на лыжах. И плевать мне на то, что вы там проверяли. Зачем вам понадобился его правый сапог? В чем дело, черт побери?

Мейсон развернул сверток и достал слепок.

— Это слепок со следа, найденного около тела Карла Диклера, мистер Крайдер. Он оставлен сапогом, похожим на тот, что носит ваш сын. Если его правый сапог не подойдет к слепку, мы извинимся и уедем.

— А если группа крови, найденной под ногтями Диклера, не совпадет с группой крови вашего сына, мистер Крайдер, мы извинимся еще раз,— добавил Хэвиленд.

— Сними сапог, Дэвид!— взревел Нельсон Крайдер.— Разумеется, он не подойдет к слепку.

— Разумеется, нет,— как эхо повторил Дейв, не пошевельнувшись.

— Так снимай сапог!!!

— Я имею право на адвоката? — неожиданно спросил юноша.

— Полагаю, в ближайшем будущем вам понадобится не один адвокат,— ответил Хэвиленд.

— О боже,— простонал Нельсон Крайдер.

— Игра закончена, парень,— продолжал Хэвиленд.— Тебе и твоим сообщникам будет предъявлено обвинение в похищении детей и убийстве. Где дети?

Глаза юноши превратились в щелочки.

— Я скажу вам, где дети, когда окажусь в стране, не имеющей со Штатами договора о выдаче преступников.

— Кто твои сообщники? — спросил Мейсон.

— Вы узнаете их имена, если они смогут улететь вместе со мной.

— И с деньгами?

— Разумеется,— кивнул Дейв Крайдер.

— Где ваш племянник, мистер Крайдер? — спросил Хэвиленд.— Его зовут Эллиот, не так ли?

— О боже...

— Где он, мистер Крайдер? — повторил Хэвиленд.

— Поехал в город. Он...— От волнения старик умолк на полуслове.

— Можно мне воспользоваться вашим телефоном? Мы должны арестовать и его.

Глава 9

Перед тем как покинуть дом Крайдера, Хэвиленд вызвал двух полицейских, чтобы они занялись поисками денег. Но, сидя в машине рядом с Дейвом, он думал не о выкупе. Этот хладнокровный мерзавец имел на руках козырного туза и знал об этом. Дети! Через несколько минут весь город соберется у здания муниципалитета. «Делайте то, что он говорит! Отправьте его в любую страну, пусть он только скажет, где дети!» А если Дейв просто шантажирует их? Есть ли гарантии, что дети живы и невредимы? Хэвиленд сразу понял, что в этом юноше не осталось и капли сострадания. Плевать он хотел на детей, родителей, Джерри Махони. Двадцать лет воспитания в лучших школах страны! За полмиллиона долларов Дейв Крайдер продал бы и родную мать.

Новость всколыхнула Клейтон. О Пате Махони все забыли.

Мейсону буквально силой пришлось проталкивать арестованного к дверям полицейского участка. Кто-то плюнул Дейву в лицо. Бен Айшэм, отец Бетти Айшэм, тоже ехавшей в автобусе, схватил его за горло с криком: «Я убью этого сукиного сына!» Стоявшие рядом мужчины с трудом оторвали его от Дейва.

Хэвиленд сразу прошел к шерифу.

— Мы взяли Эллиота,— доложил тот.— Скоро он будет здесь.

— Хорошо,— кивнул Хэвиленд.— Держите его подальше от Дэвида. Они ни в коем случае не должны говорить друг с другом.

Вошел Джек Троттер, прокурор графства, высокий лысеющий блондин.

— Крайдера будет представлять адвокат Джордж Хорвин. Он уже звонил мне.

К ним присоединился Мейсон.

— След оставлен сапогом Дейва. В этом нет никаких сомнений.

— Давайте поговорим с Эллиотом,— предложил Хэвиленд.— Может, он скажет нам, где спрятаны дети.

Продолжение следует

Перевел с английского В. ВЕБЕР

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, А. С. ГРАЧЕВ, Ю. А. ДЕРГАУСОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Б. А. СЕНЬКИН, В. Г. СИМОНОВ (ответственный секретарь)

Художественный редактор Е. А. Гричук
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 12.07.83. Подп. к печ. 16.08.83. А00168. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1191.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Десять лет назад во время фашистского переворота в Чили был убит певец, поэт и композитор Виктор Хара. Другой певец — американец Дин Рид посвятил памяти Виктора Хара свою песню, в которой говорится о том, что только тот остается в памяти народной, кто поднимает свой голос в защиту народного дела: «И сегодня ты поешь лучше всех — ты, убитый на стадионе».

Испанский текст и аранжировку песни Дина Рида прислала в «Ровесник» читательница из Ленинграда Ю. Железняк.

Am
Si se calla el cantor
Am E
Calla la vida
Am
Porque la vida misma es todo un canto
Am
Si se calla el cantor
Am E
Muere el llanto
E Am
Esperanza la luz y la alegría
Am G
Si se calla el cantor
G7 C
Se quedan solos
C E Am
Mas humildes gorriones de los diários
Dm Am
Los obreros del puerto se persignan
Am E Am
Que habrá de luchar por su solório.
Am E
Y hay que ver en la vida
Am E
Si el que canta
Dm G7 C F
No se levanta su voz en las tribunas
Dm E
Por el que sufre,
Am
Por el que no hay ninguna rajón
Dm
Que lo condenan
E Am
A andar sin manta.
Am
2. Si se calla el cantor,
Am E
Muere la rosa
E Am
Y de que sirve la rosa sin el canto?
Am
De mil cantos la luz
Am E
Sobre los campos,
E Am
Iluminando siempre a los de lo bajo.
Am G7
Que no calla el cantor!
G7 C
Porque en silencio
C E Am
Cobarde apaña la maldad que oprime.
Dm Am
No sabes mas cantores de la cancha
Am E Am
No calla el cantor ni frente al crimen.
Am E
Que se levanten todas las banderas,
Am E
Quando cantores cantan con su groto!
Dm G7 C F
Y que en mil guitarras tu sangre de la noche
Dm E Am
Canta tu canción immortal, la infanita!
Am
Si se calla el cantor,
E Am
Calla la vida...

С этой публикации редакция решила объявить КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ на лучший поэтический перевод песен на английском, испанском, французском, немецком языках, которые будут систематически печататься на четвертой странице обложки «Ровесника». Конкурс продлится до середины будущего, 1984 года, а в конце его, в 12-м номере, редакция подведет итоги и опубликует наиболее удачные работы. Участникам конкурса необходимо помнить, что речь идет о переводе песен, а следовательно, русский текст должен быть эквиритмичным, то есть должен «укладываться» в мелодию переводимой песни.

Переводы просим направлять с пометкой на конверте: «КОНКУРС ПЕСНИ».

Индекс 70781
Цена 35 коп.